

НЕВИННЫЙ

Настоящее издание – это переиздание оригинала, переработанное для использования в цифровом виде и в печатном виде, издаваемое в единичных экземплярах на условиях Print-On-Demand – «печать по требованию».

Это издание – не факсимильная копия оригинала, это переиздание в электронном виде с исправлением опечаток, замеченных в оригинальном издании.

Издание входит в состав научно-образовательного комплекса «Наследие художественного театра. Электронная библиотека» – проекта, приуроченного к 150-летию со дня рождения К.С.Станиславского. Все цифровые издания проекта доступны для чтения в интернете на сайте МХАТ им. А.П.Чехова по адресу: www.mxat.ru/library.

Издание также доступно в форматах epub и pdf, ориентированных на чтение в букридерах («электронных книгах»), на планшетах и компьютерах.

Одним из преимуществ электронного книгоиздания является возможность обновления и правки уже опубликованных книг. Поэтому мы будем очень признательны читателям за найденные ошибки и неточности, присылайте Ваши находки на fix-mxt-lib@bookinfile.ru – книга от этого станет ещё лучше!

This product is a new edition of a book, originally published in paper. It has been reworked to be read as a digital book, but can also be printed on demand.

This edition is not a facsimile copy of a paper book, it is a major rework and redesign, also with correcting errors and typos found in the original.

This book is a part of a scientific and educational set, «The Heritage of Art Theatre. Electronic Library», the project which is dated to 150th anniversary of K.S.Stanislavsky. All digital editions are available for online reading at MHAT web site: www.mxat.ru/library.

This book is also available in EPUB and PDF format to read with electronic book reading devices, tablets and personal computers.

As this book was published in digital, it can be updated and fixed any time, so readers' reports on errors and typos is very welcome. Please Email your finds to fix-mxt-lib@bookinfile.ru, so this book will be even better!

Текст произведения публикуется с разрешения правообладателя на условиях использования третьими лицами в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs (Атрибуция – Некоммерческое использование – Без производных произведений) 3.0 Непортированная. <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>.

Разрешения, выходящие за рамки данной лицензии, могут быть получены в издательстве Московского Художественного театра. <http://www.mxat.ru/contact-us/>.

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА
ОСНОВАТЕЛИ ТЕАТРА
К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ
И ВЛ. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА
ОЛЕГ ТАБАКОВ

В любимом зале

Народный артист СССР

**ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ**

НЕВИННЫЙ

НЕВИННЫЙ ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ

родился 30 ноября 1934 года в Туле.

Окончил Школу-студию

имени Вл.И. Немировича-Данченко

при МХАТ имени М. Горького в 1959 году.

С 1 августа 1959 года –

актер МХАТ имени М. Горького,

а с 1989 –

актер МХАТ имени А.П. Чехова.

Вся жизнь Вячеслава Михайловича

Невинного связана с Художественным

театром, которому он верой и правдой

служит вот уже 45 лет.

Почти столько же снимается в кино.

В Художественном театре в 1969 году он

получил звание заслуженный артист РФ,

а в 1977 году – народный артист РФ.

В 1986 году Вячеслав Невинный удостоен

звания народный артист СССР

*Вячеслав Невинный
1960 год*

О себе, о школе, об учителях...

Из интервью разных лет

Сколько себя осознаю, все, да что-то и, фал, представлял – и дошкольником, и в школе. Откуда это взялось? Семья вовсе не театральная. Тульские мы: отец, Михаил Яковлевич, был „лавным механиком оружейно„о завода, мама, Лидия Федоровна, на железной доро„е дол„о трудилась. А я, видите, «отбился от рук». С четверто„о класса – в драмкружке Тульско„о Дворца пионеров (пожалуйста, напишите фамилию руководителя: Дмитриев Анатолий Иванович, чудесный человек).

После десятилетки поехал в Москву поступать во ВГИК.

Не приняли. Руководитель курса, кстати, маститый мхатовец – Владимир Вячеславович Белокуров, сказал как бы в утешение: «Твое дело не кино, а театр». Так-то... Вернулся в Тулу – и вступил в труппу ТЮЗа. Попросился, прослушали и взяли. Мно„о и, фал в этом театре, но мыслей об учебе в столице не оставлял.

И на следующий „од поехал по второму заходу. Сдавал в Школу-студию МХАТ: давно к Художественному театру тя„отел. Между прочим, ко„да уже зачислили, ко мне подошел Владимир Вячеславович Белокуров: «А я что тебе „оворил? Твое дело – театр!» Потом мы вместе и, фали в «Ревизоре»: он – Городниче„о, я – Хлестакова...

Я пришел в Школу, ко„да она была уже в развитом состоянии.

Застал педа„о„ический состав Школы (педа„о„ов не только по мастерству актера, но и по всем общеобразовательным предметам) – само„о высше„о качества. Но поражало даже не это, а само количество педа„о„ов тако„о, о качества на такое маленькое число студентов. Курс не больше 30 человек. Получалось, что на каждо„о студента приходилось по три преподавателя.

Мастерству актера нельзя научить. Но научиться можно.

Кроме чувства ответственности, мы испытывали чувство „ордости и исключительности. Вроде мы воспитывались в лицее. Это хорошо для творческо„о самочувствия. Очень важно, – у ко„о ты учишься, ко„о ты слышишь. Руководитель наше„о курса Виктор Яковлевич Станицын в то время был художественным руководителем МХАТа. Он ставил спектакль за спектаклем, был режиссером-практиком. Чем дальше мы учились мастерству,

тем меньше ощущали свою исключительность. Вообще, если на курсе два-три человека особо одаренных, считается, что курс хороший, значит, недаром затрачены на него силы.

Атмосфера на курсе была творческой, что было так естественно.

Дружбы, о которых мы не знали. Отношения дружбы, о которых...

Мы были единым коллективом, почти братским, на сцене настоящим ансамблем. Мы и сейчас стараемся дружить, с друзьями встречаться. Встречаемся все же, да тепло, даже страстно. Вспоминаем... А вспомнить есть что.

Мы приходили к девяти утра, а уходили к одиннадцати вечера. Выставки, музеи, фильмы, театры, все вместе, чтобы сразу поделиться впечатлениями.

До сих пор все это помню эмоционально. У нас были очень простодушные отношения, лишённые всяческого, о пренебрежении или зависти. Если считалось, что у кого-то было успешное исполнение ролей, — радовались за товарища.

Чрезвычайно весёлый курс, остроумный, но до хулиганства никогда не доходило.

Жили беспечно. Самое главное, что не теряет память, — что в твоей творческой и человеческой юности все было вместе, все было весело. На лекциях писали друг другу письма «не издалека», подражая стилю и идеям великих философов. Наслаждались этим безумно. Сами себя ставили в анекдотические обстоятельства. Рисовали друг друга. Один рисовал, другой критиковал.

Плохо, о ничем, о не помню, да и о не было.

В Школе-студии
МХАТ.

Алла Покровская,
Вячеслав Невинный,
Татьяна Лаврова

Славя
Губерн. Из.

Это хорошие людишки!
 Справа могу видеть тень
 от здания. Думаю, что Буденный
 отсюда.

Вот список в Бразилии, Японии и многих других
странах, где не было бы еще много
Андреев и Андреевских, а также
А. Андреев и Андреевских и Андреевских, а также
Андреевских - Но, Андреевских, Андреевских

22 months 1976. Saw Anthony

Милому, славному
Славе, на добрую
18-74.

Милому, славному Славе, талантливому,
Славе, на добрую память
18/74. Плассанте.

Милому, славному, талантливому,
Славе, на добрую память
18/74. Плассанте.

Любимые учителя.
народный
артист СССР
Михаил Михайлович Янин,
народный
артист СССР
Алексей Николаевич Грибов,
народный
артист СССР
Павел Владимирович
Массальский,
народный
артист СССР
Виктор Яковлевич
Станицын

*Васька Крякин
Н.Погодин
«Цветы живые»*

В

ячеслав Невинный
в моем представлении – уходящая натура
в эстетике Московского Художественно-
го театра. Эстетике и Этике. Это не зна-
чит, что на театральную сцену России се-
годня не приходят талантливые люди.
Просто традиции, заложенные Стани-
славским, так сильно скорректированы
временем (на что есть субъективные
и объективные причины), что подлинных
носителей этих понятий сегодня едини-
цы. И один из них – Вячеслав Михайло-
вич Невинный, бережно соблюдающий
их всю свою актерскую жизнь.

Первым уроком в общении с ним стало
отношение к делу, бесконечная предан-
ность профессии, точная расстановка
акцентов в том, что важнее в жизни:
финансовый результат или творческий
процесс.

Это везение, что я впервые встретился
с Вячеславом Михайловичем как артист
эстрады, обожавший артиста театра и ки-
но. Потом, благодаря Сергею Юрскому мы
встретились в спектакле «Игроки–XXI».
Вспоминая тот период, точно ощущаю,
что от Невинного всегда исходил
редкий по доброжелательности покой,
такое впечатление, что он, находясь
с тобой на сцене, закрывал все щели,
откуда могло сквозить. Поэтому то,
что ты не простудишься –
можно не беспокоиться,
потому что рядом
с тобой Невинный –
большой человек
удивительной доброты.
Над чем бы я после

**ГЕННАДИЙ
ХАЗАНОВ,**
*народный
артист
России*

ни работал, первый, о ком я думал, был Невинный. Он даже смеялся надо мной: такое впечатление, ты будто жену себе выбираешь. Я всегда хотел, чтобы он был моим партнером. Во всех спектаклях, какие только были.

Даже помню, как мы с Леонидом Трушкиным обсуждали разные пьесы для постановок, чтобы там принял участие Вячеслав Михайлович. Но судьба еще раз нас свела только в фильме «Полицейские и воры», куда Невинный был приглашен по моему настоянию. Более того, замысел ремейка фильма исходил из того, что я очень хотел играть именно с ним. У меня постоянная тяга к его человеческому существу. Один из столпов современного театра, в нем ничего нет от актера-актерыча: полное отсутствие высокомерия, важности, хотя уверен, что ничем иным Невинный заниматься не смог бы. Всегда – удивительная доброжелательность, тактичность, даже, когда ему что-то не нравится, он пытается найти такие обтекаемые формулировки, чтобы исправить, никого не обижая. Удивительно нежной души человек. Я не могу жаловаться на судьбу, подарившую мне множество знакомств и дружбу с разными людьми, встреча с Невинным – один из самых больших подарков.

*Вячеслав Невинный.
Дружеский шарж
народного
артиста СССР
Бориса Ливанова*

**Продавец
воздушных шаров**
Ю. Олеша
«Три толстяка»

**Виктор
Синенький**
Г. Николаева
«Битва в пути»
Кондрат Луков –
Виктор
Новосельский

Вася Шустрый
А. Островский
«Горячее сердце»
Парашиа –
Татьяна Ленникова

Пробы грима

Бежан
Н.Думбадзе,
Г.Лорджитанидзе
«Я вижу солнце»

Вит
П. Когоут
«Дом, в котором
мы родились»
Доктор –
Виктор Станицын

Попов
М. Шатров
«Шестое июля»

З

накомство со Славой у меня состоялось, когда выпускников Школы-студии представляли труппе театра. Это было вскоре после разоблачения «антипартийной группировки» Маленкова–Молотова–Кагановича. Народный артист СССР Виктор Яковлевич Станицын, учитель Славы, произнес: «Вячеслав Михайлович Невинный!».

И тогда раздался знаменитый бас Бориса Ливанова: «Вячеслав Михайлович? Невинный!? А Лазарь Моисеевич??»

С тех пор только ленивый не подшучивал над фамилией нового мхатовца. Ни один капутник не обходился без подобных острот. И даже на столетии театра Геннадий Хазанов не удержался: «Только во МХАТе служит актер, который с чистой совестью может заявить: я – Невинный!»

В то время я была замужем за адмиралом Головки. Дом у меня был гостеприимный, хотя мхатовцев приглашала редко. Но, тем не менее, Слава у нас появилась. Еще была жива наша няня Анна Владимировна Юрьева, и когда я представила: «Вот – Слава Невинный!», она, взглянув на него, произнесла: «Да, уж, вижу, еще молоденький!»

Вскоре мы встретились на курсе Монюкова, куда Славу пригласили работать педагогом. У него удивительная особенность: мгновенно устанавливает контакт и доверие в любой аудитории. Помню, как рвались к нему работать в отрывки студенты.

**КИРА
ГОЛОВКО,**
народная
артистка
России

Потом были съемки в фильме «Председатель». Подобралась славная компания, там мы и подружились. У Славы была маленькая роль, но общение с ним запомнилось. Помню, как однажды возвращались со съемок в Москву. Сделали остановку, пошли погулять в лесу. Когда тронулись вновь в путь, Ульянов вдруг хватился, что нет Невинного. Вернулись: Слава мирно спал на обочине.

При его демократизме общения, он не болтлив, а подчас просто скрытен. И когда говорит о себе как о простом деревенском русском человеке, это не совсем так. С виду огромный, жутко обаятельный и добродушный, он, бесспорно, глубокий и тонкий человек. Как серьезно он воспринял учение Станиславского! Не в догме, а в сути, в развитии. Я всегда прислушиваюсь к его суждениям, которые одновременно и доходчивы, и самостоятельны.

У него абсолютный слух, потрясающая музыкальность, он может воспроизвести сложное симфоническое произведение с поразительной точностью, хотя, как мне известно, музыкального образования не имеет.

Я ни в коем случае не равняюсь с ним, Вячеслав по праву имеет всенародную славу. И когда зал встречает его появление аплодисментами, а иногда и встает, это справедливо: так встречают подлинно народных артистов!

Шмага

А. Островский

«Без вины виноватые»

Незнамов –

Олег Стриженов

Мамаев

А. Островский
«На всякого мудреца
довольно
простоты»
Крутицкий –
Марк Прудкин

Мизинчиков

Ф. Достоевский
«Село Степанчиково
и его обитатели»

Градобоев

А. Островский
«Горячее сердце»

Об амплуа, о мастерстве...

Из интервью разных лет

От амплуа никуда не денешься. Мое ко,да-то называлось «проста, рубаха-парень». Так оно и есть. Должен сказать: исповедую школу МХАТ.

В широком смысле школу. Конечно, роли разные, но какими бы они не были, в каждом случае это я. Я в предла,аемых обстоятельствах, в поставленных ролях условиях – „ерой ли, жертва, обыватель, фанфарон, что у,одно – но я, по велению режиссера пробудивший в себе такие-то и такие-то душевные струны. В этом, на мой вз,гляд, наше актерское ремесло.

Ремесленник – высокое слово. Ремесленнику попадает в руки кусок кожи, при виде которо,о у не,о в ладонях и вокруг, сердца начинает быстрее бе,ать кровь. Он „оворит: «Ох, какую вещь я из это,о сейчас сделаю!» И потом то, что он из «это,о» сделал, стоит под стеклом „де-нибудь в музее в Кускове с надписью: «Сапо,и. Работа неизвестно,о мастера»...

А чтобы зваться Художником, нужно, я считаю, совершить своими работами переворот в искусстве! Каждый ли, кто „оворит о себе: «Я – художник», совершил такое?..

Знаете, я мно,ое читал о Михаиле Чехове, в том числе е,о собственные записки. Выдающийся был актер. Как „оворят за театральными кулисами, человек «ненормально,о дарования».

Какую бы эмоциональную роль он ни и,рал, сам, словно раздваивался, смотрел на себя со стороны и как бы „оворил зрителю: « А хотите, я эту роль вот так поверну?

А мо,у и этак». Понятно, о таком мастерстве можно лишь мечтать. Это высший пилотаж!»

Хлестаков
Н. Гоголь
«Ревизор»

Хлестаков
Н. Гоголь
«Ревизор»

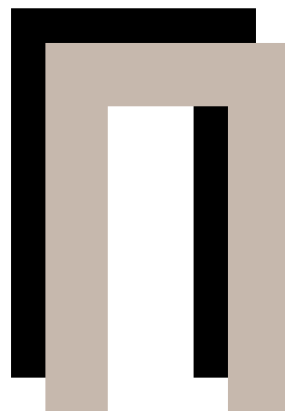

Хлестаков
Н. Гоголь
«Ревизор»
Земляника –
Алексей Грибов

Чичиков
Н. Гоголь
«Мертвые души»
Губернатор –
Павел Массальский,
Чиновник –
Юрий Мочалов

Память театрала, мне кажется, можно сравнить с «калейдоскопом» – детской подзорной трубой, в которой между зеркальными стенками пересыпаются разноцветные стекляшки. Трубку можно крутить, а картинка все время будет меняться. Каждый миг новый рисунок, цветной, затейливый яркий. Но некоторые узоры удивительным образом возвращаются вновь и вновь. В том, как они всплывают на поверхность сознания, есть какая-то тайна, загадка... Наверное, в семидесятом году я, будучи школьником (отнюдь не старшим), смотрел в старом «доефремовском» МХАТе «Ревизора». Не помню детали спектакля М.Н. Кедрова, но детское ощущение восторга – не забывается! Какой великолепный состав: Белокуров, Грибов, Андровская, Петкер, Топорков, Комиссаров, Зуева...

И – не просто наравне с ними, но лидером спектакля – совсем молодой Невинный в роли Хлестакова.

Что такое Хлестаков?

Каждый хорошо играющий эту роль актер (а Хлестакова часто играют хорошо – иначе, зачем же ставить «Ревизора»?) отвечает на этот вопрос по-своему, и каждый ответ звучит убедительно, но остается при этом неокончательным.

Фат? Хлыщ? Маленький человек? Злобный хищник? Фантом?

Ответ Вячеслава Невинного, на мой взгляд, обезоруживал просто-

**ПАВЕЛ
ЛЮБИМЦЕВ,**
заслуженный
артист РФ

той. Хлестаков был прежде всего – артист, причем его артистизм был вкусно-простодушен, трогателен и наивен. Именно артистической одаренностью героя объяснил невероятную интригу великой комедии Невинный. Думаю, что Вячеслав Михайлович мог бы многое рассказать о высоком учительстве Кедрова, о той взаимной влюбленности, без которой ничто в театре не получится по-настоящему. Нереализованная потребность игры – вот что составляло главный мотив поведения Хлестакова, вот что было его сквозным действием.

Сцена вранья была сыграна просто и вдохновенно. Не было в ней пьяного куража, был восторг игры – «понесло!» Между двумя дамами Хлестаков полулежал в кресле, вытянув ноги к рампе (так, по крайней мере, видится мне сейчас), и изумительный текст Гоголя, знакомый до знаков препинания, звучал абсолютно импровизационно, свободно, легко.

Вообще легкость Невинного в Хлестакове – это тема для отдельного разговора. Даже в юности артист не был «фитюлькой» и «вертопрахом», его рост и комплекция всегда были внушительными. Но ни на секунду не возникало ощущения тяжело-весной громоздкости. Он порхал по сцене, как мотылек! Прыжки и реверансы, которыми Хлестаков приветствовал дам, были исполнены почти балетного изящества. Потом Юрий Леонидов – Почтмейстер такими же прыжками пытался приветствовать самого Хлестакова, тут же подшибал сам себя и чуть не падал. И с таким же изяществом усаживался Невинный на спину коленопреклоненного Бориса Петкера-Хлопова и продолжал ораторствовать, чувствуя себя в такой позиции вполне удобно и ничуть не удивляясь.

Так же азартно и трогательно брал он взятки в четвертом действии. С каким мальчишеским любопытством Невинный-

Хлестаков заглядывал через плечо Грибова-Земляники, когда тот отсчитывал деньги, чтобы (Боже упаси!) не дать лишнего. Партнеры Невинного в этом спектакле составляли такую питательную среду, о которой нынешние молодые могут лишь по-маниловски мечтать. Без них, без этих замечательных, удивительно живых и, к великому горю, давно ушедших «стариков» Хлестаков Вячеслава Невинного не стал бы такой бесспорной удачей, не стал бы открытием артиста. Вспоминая спектакль, думаешь о том, что в его Хлестакове соединились нити актерских традиций МХАТа. Невинный, с его полной, крупной фигурой, обаятельной улыбкой и сипловатым тенорком, мог делать в театре то, что начали великие характерные мхатовцы первого поколения, то, что потом столь радостно расцвело в Станицыне, Грибове, Яншине. У них Невинный учился – в Школе-студии, в спектаклях, капустниках.

*Вячеслав Невинный.
Дружеский шарж
народного
артиста СССР
Бориса Ливанова*

Чичиков
Н. Гоголь
«Мертвые души»

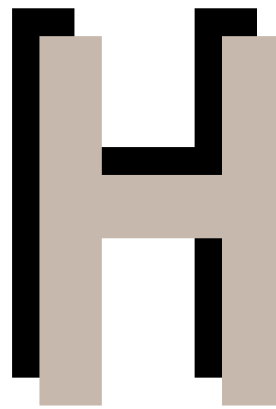

Губернатор
Н. Гоголь
«Мертвые души»

Яичница
Н. Гоголь
«Женитьба»

евинный – большой.

Его много! Тем и хорош.

По пуританскому счету МХАТовской школы он, конечно, артист не ансамблевый. Какой там ансамбль!? Невинный всегда будет выпирать из любого ансамбля. Уж одно то, что зрители ВСЕГДА встречают его появление на сцене бурными аплодисментами, дескать: «Ну, Слава, ну, спасибо, что пришел, ну, давай!»

Что ж партнерам остается делать? Переждать! А что еще? Штука в том, что Слава, положив руку на сердце, совсем не против этих вульгарных знаков внимания. Да, он такой артист, да, его знают, ждут и приветствуют! Слава даже любит еще из-за кулис дать «звучок», опробовать голос, чтобы зритель услышал его тенорок и приготовился. И когда сама ФИГУРА явится под свет прожекторов, тут уж овация неминуема.

Это я шучу, как сами понимаете. Чего ж не шутить – дело юбилейное. И самого Славу хочется развлечь. Чего ж он все болеет в этот год? Скучаем мы без него. Вот говорят – незаменимых нет. Можно бы и Невинного заменить во всех ролях. Можно..., да только в его отсутствие просядет весь спектакль, и окажется, что на месте Невинного любой будет жидковат. Так-то!

А если серьезно начать говорить, то более МХАТовского артиста (в лучшем понимании этого термина!) я и не знаю. Во-первых,

**СЕРГЕЙ
ЮРСКИЙ,**
*народный
артист
России*

*Вячеслав Невинный.
1980 год*

он ВЕСЬ МХАТовский и ВСЕГДА МХАТовский. Он себя и не мыслит без этого театра. Во-вторых, он знаток и хранитель, и рассказчик (и закулисной!) истории МХАТа. А в третьих, играть с ним одно удовольствие, потому что при всех его художественных гиперболах, он актер ЧЕТКИЙ, умеет держать рисунок и СЛОВО чувствует и несет великолепно. Утверждаю это, потому что имел честь побывать Невинному и режиссером, и партнером. Я уж не говорю о том, что множество раз бывал его зрителем. Когда я стал собирать ансамбль (подчеркну это слово – АНСАМБЛЬ!) для осовремененного исполнения «Игроков» Гоголя, Невинный был из первых, кому я сделал предложение. Горжусь тем, что сразу получил согласие. С одним условием – «Играть только на сцене МХАТ, на сторону я никуда не пойду». К счастью, так и сладились, и играли мы в Камергерском переулке. Ансамбль был звездный, дальше некуда – от Филатова до Евстигнеева, от Калягина до Теняковой, от Невинного до Хазанова. И надо отдать должное, все эти блестящие солисты сумели слиться в цельном аккорде. И Слава Невинный был цементирующим звеном. Потому что – повторяюсь – умеет рисунок держать, и еще потому, что Гоголь с его особенной, невероятной речью очень близок Славе. Невинный – подлинно гоголевский актер, что большая редкость. У Гоголя и слог, и ритм высшей трудности. И Слава Невинный купается в этих ритмах. Наблюдал это и в «Игроках», и позднее в «Женитьбе», которую тоже вместе играли (и играем!). Такого Ивана Павловича Яичницу, как Вячеслав Михайлович Невинный, – пойдите, поищите! Все равно не найдете. Еще у Славы абсолютный музыкальный слух. Поет он точно. И очень мучается, когда кто-нибудь на сцене (или на экра-

не) фальшивит, хотя старается скрыть раздражение. Еще Слава абсолютно ГРАМОТЕН. Он настоящий знаток русского языка и грамматики. Знает старые и новые смыслы слов, знает правильные ударения. Очень мучается, когда слышит речь безграмотную, или «мятое» произношение, хотя всеми силами старается не показать, что дурная речь приводит его в бешенство. Что еще сказать о Славе? Да, собственно, я при случае сам ему все остальное скажу. Только б выздоравливал скорее и возвращался на сцену. Я скажу ему, что бы я хотел с ним еще поставить. Скажу, что очень мне дорог его талант, его способ общения, его юмор.

*Народному
артисту СССР
Алексею Николаевичу
Грибову – 70!
Виталий Петров
и Вячеслав Невинный*

*На телевидении.
Евгений Киндинов,
Вячеслав Невинный,
Иннокентий
Смоктунковский*

*Друзья.
Вячеслав Невинный,
Леонид Губанов,
Михаил Зимин*

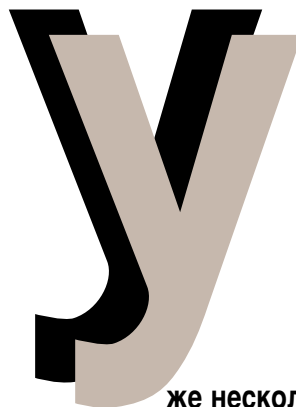
*На репетиции.
Олег Ефремов,
Вячеслав Невинный,
Анастасия
Вертинская*

*С Михаилом
Рощинным*

*На репетиции
пьесы М. Шатрова
«Дальше, дальше,
дальше...»
Анастасия
Вознесенская,
Андрей Мягков,
Вячеслав Невинный,
Владимир Лакишин*

*Пятидесятилетие
Вячеслава
Невинного.
Евгений Евстигнеев,
Анастасия
Вертинская*

же несколько лет мы играли «Три сестры», и я мог рассматривать Вячеслава Михайловича на сцене, за кулисами, уходящего с поклонов, слушающего сцену партнеров, а особенно внимательно – без малейшего движения лицевых мускулов, даже глядя куда-то, то ли в половицу, то ли в себя, – когда играет сын, В. В. Невинный-младший. Несколько лет я наблюдал и даже участвовал в этом счастье...

И вдруг! Вдруг я случайно, почти неожиданно, почти подсмотрел, как он возвращается домой со спектакля. Точно так же случайно я встречаю его иногда перед спектаклем...

Вещи и сюжеты эти разные, и описать их стоит попробовать, как, впрочем, многое, что связано с этим нежным гигантом нашей уходящей профессии. Последним. Настоящим. Только, только попробую... Потому что кому же дано систематизировать галактику, стихию, океан?..

Так вот, закончился спектакль. «Машины для народных к служебному подъезду!» Невинные «служебными» почти не пользуются – живут-то через дорогу. Остальные артисты разбегаются, разъезжаются... Стайками, по одному, по обстоятельствам. Смотря, какой спектакль. Вот уже и вестибюль опустел.

В уборных артистов перестали хлопать двери. Почти тишина. И откуда-то из темноты, как из берлоги медведь, медленно,

**ВИКТОР
ГВОЗДИЦКИЙ,**
*народный
артист
России*

постукивая металлической тростью, по-
пыхивая, побрякивая или безмолвно, вы-
плывает не корабль, не теплоход – лай-
нер! Так он и движется, между прочим,
с изяществом, не задевая никого, огибая
рифы поворотов, входные и сквозные
двери. Вот и проходная. Служебный вход.
Несколько автографов, не меняя направ-
ления, темпа, ритма, – к цели. Из театра
направо, совсем рядом, мимо Школы-сту-
дии и какого-то банка, примостившегося
на правах богатого родственника...

Наконец! Тверская! Поздний вечер. Море
огней. Поток машин похож на изверже-
ние вулкана – нет остановок, правил, све-
тофоров и человеческого духа. Стоит
он на этом берегу недолго. И зимой,
и осенью, и весной – всегда легкое паль-
то: «Да мне в любую погоду жарко!» Ке-
почка такая наивная, мальчиковая почти,
и обязательный фуляр, это уже чисто
профессиональное, – может быть, связки
голосовые бережет, а может быть, так
учителя и мхатовцы старые носили... Ар-
тисты настоящие.

Если они выходят вместе с Ниной Ива-
новной (обычно она успевает ускольз-
нуть и исчезнуть значительно раньше),
то на берегу Тверской они расстаются,
и Нина Ивановна торопливо ныряет в пе-
реход, что к Ермоловскому.
Одинокая, громадная, знаменитая фигура
начинает свой гастрольный ход через
трескучую Тверскую к парадному подъ-
езду своего дома, где живут Нина Ива-
новна Гуляева и Вячеслав Михайлович
Невинный. «Дорога цветов» через Твер-
скую. Я не очень знаю, почему разом ос-
танавливается весь этот шквал иномарок,
«жигулей» и могучих туристических ав-
тобусов, почему камнеет эта раскален-
ная лава. Есть две версии. Я справлялся.
Первая: милиционер на светофоре оста-
навливает этот поток машин, отдавая
честь и приветствуя любимого артиста.
Вторая: по какому-то неписаному, не оз-

вученному сигналу машины останавлива-
ются и... ждут!!! Один раз мне пришлось
в такси проезжать, опаздывая то ли
на съемки, то ли в театр, мимо парадно-
го, где живут Гуляева и Невинный. Я мог
наблюдать, как, не торопясь, Вячеслав
Михайлович выходит из автомобиля пря-
мо у своего дома. Проезжающий мимо
«водила» спросил у моего «водилы»:
«А что за остановка? Чего стоим?»
«Да Михалыча привезли». Я спросил:
«Вы знакомы?» «С кем? С Михалычем?
Нет, конечно, но кто же его не знает, Ми-
халыча?..» И улыбнулся. Но это уже дру-
гая сторона дела – «Кеша», «Михалыч»,
«Дядя Костя»... Это другое. Замерла
главная улица страны и ждет, пока Миха-
лыч, совершенно не ускоряя шаг, также
элегантно постукивая тростью, неспешно
плывет. Порой кажется (а может быть,
так оно и есть), кланяется, кивает, при-
ветствуя вежливых водителей, пассажи-
ров и ошеломленные светофоры. Закры-
вается тяжелая парадная дверь, а как там
далее – лестница, лифт, консьержка,
коврик у двери – это тайна, этого я нико-
гда не видел и допущен не был.

...Вот такая прекрасная театральная сказ-
ка, театральная быль отпечаталась в па-
мяти, и захотелось начать с этого. Столь-
ко здесь любви, признания, благодарно-
сти, уважения и тепла – вот в этом корот-
ком путешествии из театра домой. Гео-
графию его подхода к театру, к спектак-
лю так подробно подсмотреть не могу.
Но когда мы играли «Трех сестер», или
«Женитьбу», или «Венецианского антик-
вара», где выходили вместе, часто видел
его сидящим перед театром. Он совсем
не сразу туда входил. Присаживался
на лавочке у Школы-студии среди гомоня-
щих студентов или уже на скамье у само-
го входа в закулисную часть. Особенно
живописно у Школы-студии. Ученики что-
то щебечут, Чехов стоит, люди бегут; все
как-то движется, и даже Антон Павлович,

кажется, чуточку суетится... И только Невинный сидит так веско, статично, навсегда, что напоминает бронзовые фигуры в больших европейских городах, на лавочках, остановках транспорта – в самых оживленных местах. Например, в Женеве есть место, где эти бронзовые господа сидят, уходят вдаль, открывают зонтик, отличаясь от толпы только тем, что толпа эта исчезнет: поменяется мода, состарятся студенты и придут другие, а они здесь будут всегда, пока существует живая жизнь, люди, львы, орлы и куропатки. Вот и он так сидит. Как-то Гуляева цитировала Грибова: «Театр как девятый вал... Случайное смывает, а настоящее останется».

Я думаю об этом, видя грузную и грустную фигуру Вячеслава Михайловича почти перед каждым его вечерним выступлением.

Вячеслав Невинный.
*Дружеский шарж
художника
Василия Карячкина*

Жених Альдонсы
А. Володин
«Дульсиния
Тобосская»
Мать Альдонсы –
Анастасия Зуева

О кино

Из интервью разных лет

С ранних лет я знал, что Гамлета мне сыграть не суждено. Да и в кинематографу у меня по большому счету и ролей-то настоящих не было. Обычно режиссеры просто мою внешность эксплуатировали. Но я считаю, что и очень плохих ролей у меня не было. Сейчас вот многие вспоминают эпизодик в картине «Берегись автомобиля» Там Андрей Миронов просит меня на машину посмотреть, а я ему: «Понюхаем... Поцупаем... Потрохаем...

А машина-то где?..» Так что иногда и с эпизодиком запомнишься, а иногда большая роль мимо зрителя пройдет.

Впервые увидел себя со стороны, когда снимался в фильме «Испытательный срок». Увиденное оказалось так не похоже на то, что я себе представлял! Подумал даже: «Зачем надо, чтобы другие на это смотрели?». С тех пор не люблю ходить на свои фильмы и говорить о них. Вот на руке у меня на руке перстень. Когда мне его подарили, знатоки посоветовали на внутренней поверхности сделать вензель: «НВ». «Ты – Невинный, жена – Нина, имя у тебя с сыном одно – Вячеслав. И я пошел к мастеру. Тот на перстень посмотрел: «Извините, я это делать не буду!».

– Почему?

– Да вещь кончена.

В том смысле, что работа окончена, чего трогать?

Так и тут – зачем зазря вываливать тонны словесной руды?

Кадр из фильма
«Мятежная
застава».
Рабочий –
Борис Чирков

**Братец
Горбушкиной**
«Не может быть!»

Фарлаф
«Руслан и Людмила»

Серебровский
«Это случилось
в милиции»

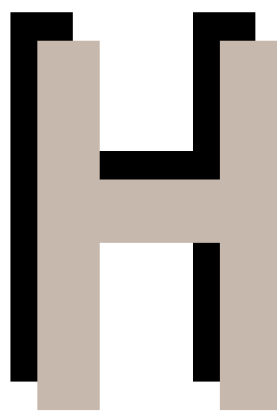
В телевизионном
спектакле
«На пороге»

Кадр из кинофильма
«Единственная»
Любовь Соколова,
Лариса
Малеванная

На репетиции
в телевизионной
студии
«Останкино»

Некогда блестящий критик Василий Боткин – до смешного похожий на блестящего русского актера Вячеслава Невинного – писал: трагическое и лирическое сходны более или менее у всех народов, и только в одном комическом обнаруживается все резкое различие национальностей». Похоже, настолько резкое, что у некоторых национальностей – да не обидятся они – вообще нет чувства комического.

Русские в этом не замечены. У боткин-ского друга Тургенева один мужик говорит другому: большая ты свинья, а хуже малого поросенка. Молодой барин, слушающий ту перепалку, «по непринужденности обращения» в ней и «по игривости оборотов речи», делает вывод, что мужики те – «не слишком притеснены». Что вот не мешало им быть смешливыми.

Увы, это не так. Русские мужики и вообще русские, от времен Владимира Равноапостольного до всех прочих Владимиров, как раз в этом не замечены. Даже слишком «притеснены». Что вот не мешало им быть смешливыми.

Но что же такое тот русский юмор, категорически не похожий на все другие? Тогда, когда вспоминаешь Невинного-киноактера, немедленно вспоминаешь и его кинозрителя. То, как этот зритель вел себя при любом

появлении своего экранного фаворита. Как писали в ту пору советские газеты,

**ВАДИМ
СКУРАТОВСКИЙ,**
доктор
искусствоведения

разумеется, по другому поводу – «оживление в зале». Всегда при том появлении. Чем меньше любим мы действительность, тем больше нравятся нам в ней – ну хотя бы какие-то сцены и лица оттуда, из нее, тяжелой и докучной той действительности. Не совпадающие. Противящиеся ей. Русская так называемая смешливость мгновенно замечает в той действительности именно это. И как только в кадр – в ситуацию, в сюжет, в событие – герой Невинного, сейчас же и начиналось упомянутое – оживление в зале. Может быть, лучшая киноработа Вячеслава Михайловича – молодой колхозник Паша Маркушев в «Председателе». В фильме, при самом упоминании которого каменели скулы Василия Шукшина от негодования. А ведь как не прав Шукшин. Совсем не прав. Трагический советский пейзаж. Почти притча о лихорадочном строительстве того, что ведь никогда не построишь. Ни при какой исторической погоде. Особенно при советской. Один брат, яростный устроитель того рая, и другой брат, такой же яростный упрямец, бегущий из него. А Пашка Маркушев – совсем-совсем другое. Естественное. В этой роли Вячеслав Невинный поразительно, до самого донца удивительной своей игры там, равен своему герою. Крепенький русский паренек из послевоенной русской деревни. Полуразрушенной. Полуживой. Но жив сам Пашка Маркушев. Да еще как жив. При первом появлении своем он пьет пиво. Да пьет так, что даже председательское неистовство не сразу может остановить то Пашкино занятие. А уже при последнем появлении в фильме – солидный, отяжелевший Павел Маркушев неспешно, почти величественно ведет жену Лизу в колхозный родильный дом – «выводим на орбиту космонавта номер такого-то». И в конце фильма – ... Лиза дочку родила. «Председатель», – несомненно, великий

фильм. Но, ведь среди прочих своих достоинств, не в последнюю очередь именно оттого, что упомянутый яростный фанатизм в нем соседствует с тем простым парнем, с его совсем другим, но не-простым упрямством. Как только в кадре появляется герой Невинного, так фильм, скажем так, переводит дыхание. В сторону некоей именно естественной нормы. Благодаря которой, наверное, и выживал русский крестьянин. Пашка здесь и пиво хлебает, и работать горазд, и не прочь схитрить, и Лизку свою любит (замечательная в том фильме «любовь в деревне», Пашкино простодушное ухаживание за невестой, вызывает в ту пору добрый гогот в зале). И все это в режиме удивительной и актерской, и, скажем так, почти этнографической подлинности. Комическое, равное реальности?

Дело в том, что комическое Невинного-киноактера вроде бы всегда из того же материала, что и остальная действительность в том или ином кадре. Но уже само «массивное» присутствие там этого актера, сама фактура того присутствия как-то выделяются из той действительности. Так или иначе, заплутавшейся. В чем-то ошибающейся.

Всего лишь эпизод в фильме «Берегись автомобиля». Тоже ведь в своем роде «антикоммунистическое» кино. О великой тщете остановить человеческую алчность. Или хотя бы жадность маленького приобретателя Димы Семицветова (Андрей Миронов). Вместе с женой прячущего свою автодрагоценность – и приглашающего, для профилактики таковой, автослесаря Вячеслава Невинного. Всего лишь на минуту-другую.

Крошечный шедевр киноактера длиною в минуту. Его слесарь сейчас и царь, и бог ситуации, а самая добродушная снисходительность к интеллигенции, не разумеющей на чем она ездит... И здесь, кроме того, уже готова программа последующе-

го «образа», громадным тюленем плещущегося в бассейне – в телефильме «Старый Новый год». Азартно пересказывающем некую книжку о собачке Каштанке («но забыл, кто написал»).

В этом эпизоде рязановского фильма герой Невинного почти монументально неподвижен. Только вот обрядово вытирает руки тряпицей. «Посмотрим... Послушаем... Пощупаем». Открывается дверь гаража, и снисходительность на лице царя-слесаря уже совсем гиперболична. Рекорд актерской комической пунктуации, когда открывается дверь уже не столько в тот гараж, сколько в соответствующую сюжетную катастрофу.

В зале уже даже не оживление...

Русский юмор, похоже, это комедия положений, то есть некое смещение в окружающей действительности, которая пытается представить из себя одно, а тут вдруг нечто или некто в ней свидетельствует что-то совсем другое. В русской действительности таких смещений было и остается в изобилии. Русский всегда умел видеть эти смещения, что, собственно, и составляло ту его смешливость. Русские в общественном транспорте – дивился в разгаре недавней эпохи один соглядатай с Запада – очень критичны...

Но вот в художественной действительности, прежде чем увидеть такое смещение, нужно его сначала там показать. И Вячеслав Невинный его показывал, на него указывал.

...Нечто очень «официальное» в кадре – и вдруг в нем совсем «неофициальный» герой Невинного. Это случается даже в милиции (фильм «Это случилось в милиции»), где лейтенант Серебровский именно таков.

Любой киносюжет, где появляется Невинный, как бы теплеет, смягченный его появлением. Комическое убавляет серьезность, которой было достаточно

и в тех сюжетах, и в том, что вдохновило на их создание.

В кино это похоже примерно на то, как «на театре», в «Мольере», вдруг из королевского сундука выкатывается королевский шут Невинного. «Не любишь доносчиков?» «А за что их любить, ваше величество? Такая сволочь». Серьезность мира именно такова, что без необходимых «комических» пасов в ее сторону, она невыносима.

Кинематографическая галерея Невинного сплошь состоит из таких вот к той серьезности поправок.

Оттого любопытны те киноработы артиста, где комическое уже совсем равно себе. В фильме «Руслан и Людмила» ближе всех к веселью пушкинского подлинника оказался именно хвастун-рыцарь. Фарлаф – Невинный. Особенно в тех эпизодах, где он благодушествует, окруженный множеством маленьких «фарлафят». И – несравненный финн Юсси Ватанен в гайдаевской картине «За спичками». По мотивам одного из самых смешных произведений мировой литературы.

Штука вся в том, что те фильмы появились в незабываемые 1970-ые... По историческим обстоятельствам, совсем не смешные. А если уж и совсем пристально смотреть на вещи, как говорится в «Гамлете», то ведь зверски убили – и автора «Руслана и Людмилы», и того финского весельчака, который сочинил «За спичками». И его русского переводчика Михаила Зощенко.

И вот, вопреки всему, сохранить такое веселье... Так ведь, наверное, по-другому и нельзя сохранить – самое жизнь.

Заглянем в соответствующие «прокатные» справочники тех лет:

«Руслан и Людмила» – 1973 год, 10 место (34,6 млн. зрителей),

«За спичками» – 1980 год, 11 место (34,3 млн. зрителей)

Вот уж действительно, в соответствии

с предложением Гецена, очень даже нелишне написать историю смеха. И вот одного из, скажем так, королей советского смеха, да еще той поры. Недавно на одном, интеллектуально весьма изысканном семинаре в Женевском университете, обсуждался крайне серьезный вопрос: как же все-таки выживали и выжили советские люди? Одни из ответов там: оттого, что много читали весьма серьезную литературу. Полагаем, еще и потому, что смотрели фильмы с участием Вячеслава Михайловича Невинного. И все же должно напомнить еще и о том, что это актерское дарование, при некоторых усилиях его носителя, наверное, могло бы уйти в совсем другую сторону от того смеха. ... На исходе 1950-х в советском кино появилась как бы экранная диалогия по двум «оттепельным» повестям позднего Павла Нилина. Фильм «Жестокость» (1959) и фильм «Испытательный срок» (1960). Первый – очень хорош. Второй – просто хорош. Но вот в нем и дебютировал Вячеслав Невинный. Сразу же запомнившийся зрителю в роли юного милицейского стажера. В котором, в отличие от его кроткого напарника (Олег Табаков), несмотря на молодость, ледяным ветерком веет то, что в другой повести Нилина было названо прямо – жестокостью. Тот ветерок, который вскоре превратится в ветер, которому нет имени... Молодой актер вполне убедителен в той роли. И тогда, когда он – впрок штудирует учебник джиу-джитсу, и тогда, когда становится, по словам старшего (Олег Ефремов), совсем похож на легавую, и особенно тогда, когда без особой надобности, бьет в челюсть несчастного разбушевавшегося пьянчужку, узнавшего об измене жены. «Жандармы! Жандармы!» – вопит тот бедняга, вполне предвосхи-

щая близкое наше будущее. Теперь уже вроде бы прошлое. Зайцев из «Испытательного срока», возможно, уже из того будущего. И, наконец, рязановский жестокий социологический лубок. «Гараж». Зоологический музей. Герой Невинного в состоянии того патриотизма, который некогда был назван зоологическим, успевает на кооперативном собрании, в идеологический укор, классифицировать журавлей – на лояльных по отношению к советской территории, и на таковых, по загадочным причинам, ее сторонящихся. И, похоже, все. «Отрицательных» героев в фильмотеке киноактера нет. Не ведь это уже не просто факт актерской биографии – это уже ее стратегия. А, возможно, и соответствующая черта национального представления о комическом.

*Дружеский шарж
художника
Владимира Мочалова.
Журнал «Крокодил»*

Швейк
*М. Розовский
«Брехтиана,
или Швейк
во Второй мировой
войне»*

*На репетиции
спектакля
«Последние дни»
М. Булгакова*

Фамусов
*А. Грибоедов
«Горе от ума»*

Варлаам
*А. Пушкин
«Борис Годунов»*

Кочнев
А. Гельман
«Заседание
парткома»
Потапов –
Олег Ефремов

Мокин
В. Арро
«Трагики
и комедианты»
Элеонора –
Елена Майорова

е мало хороших, даже превосходных артистов, которых я вполне себе могу представить людьми других профессий – врачами, футболистами, архитекторами. Но представить себе Вячеслава Михайловича Невинного не артистом, не могу. Сцена, театр, лицедейство – это его воздух, его простор, его океан бескрайний. Для меня самое замечательное в его игре – неукротимое стремление к предельной ясности создаваемого на сцене образа. Но это не ясность натурализма, документальности, которая нынче так часто встречается на театре, это ясность воображения выдающегося артиста, фантазера, изобретателя образного контура, рисунка каждой роли. Он продолжает бессмертную традицию театра, в котором трудится всю свою жизнь – неповторимо, неподражаемо показывать на сцене образы типические, то есть, часто встречающиеся в жизни. Всегда желаю Вам и для нас, кто Вас любит, много любимой Вами работы – новых ролей, новых возможностей реализовать свой талант. И, конечно, сопутствующего, необходимого для такой работы здоровья. Счастья, удачи, успехов всему Вашему артистическому семейству!

**АЛЕКСАНДР
ГЕЛЬМАН,**
драматург

Себейкин

М. Роцин

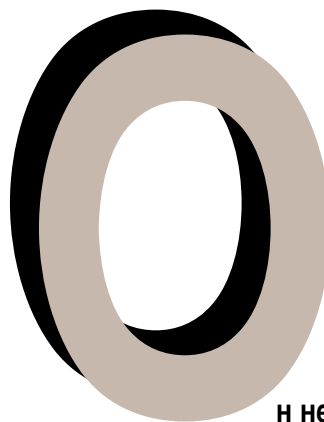
«Старый Новый год»

Адамыч –

Евгений Евстигнеев

Жена Себейкина –

Ксения Минина

н не просто актер классный, он – Личность. Или, как сейчас говорят, фигура харизматическая.

Во МХАТе с молодых лет стал «первачом». Хлестаков, Чичиков, Мизинчиков, Градобоев и прочие классические господа с ним дружбу водили. В сплоченной команде актеров-«современников», которых в начале 70-х привел в театр его новый руководитель Олег Ефремов, тоже не затерялся. Случались сезоны, когда едва ли не каждый премьерный спектакль был отмечен участием Невинного. Ефремов его любил, роли давал заметные – Петра Себейкина в «Старом Новом годе», Фамусова в «Горе от ума», Варлаама в «Борисе Годунове», Сорина в «Чайке», Епиходова в «Вишневом саде», Чебутыкина. Но даже если случались персонажи практически бессловесные, как официант в «Мишином юбилее», то и они не прятались в тени много и красиво говоривших прочих.

Для Невинного главное – запустить в зал «электрическую дугу», высечь искру живого, сиюминутного общения. Для этого же не всегда нужны слова. Мысль, конечно, тоже необходима, но только эмоционально оформленная.

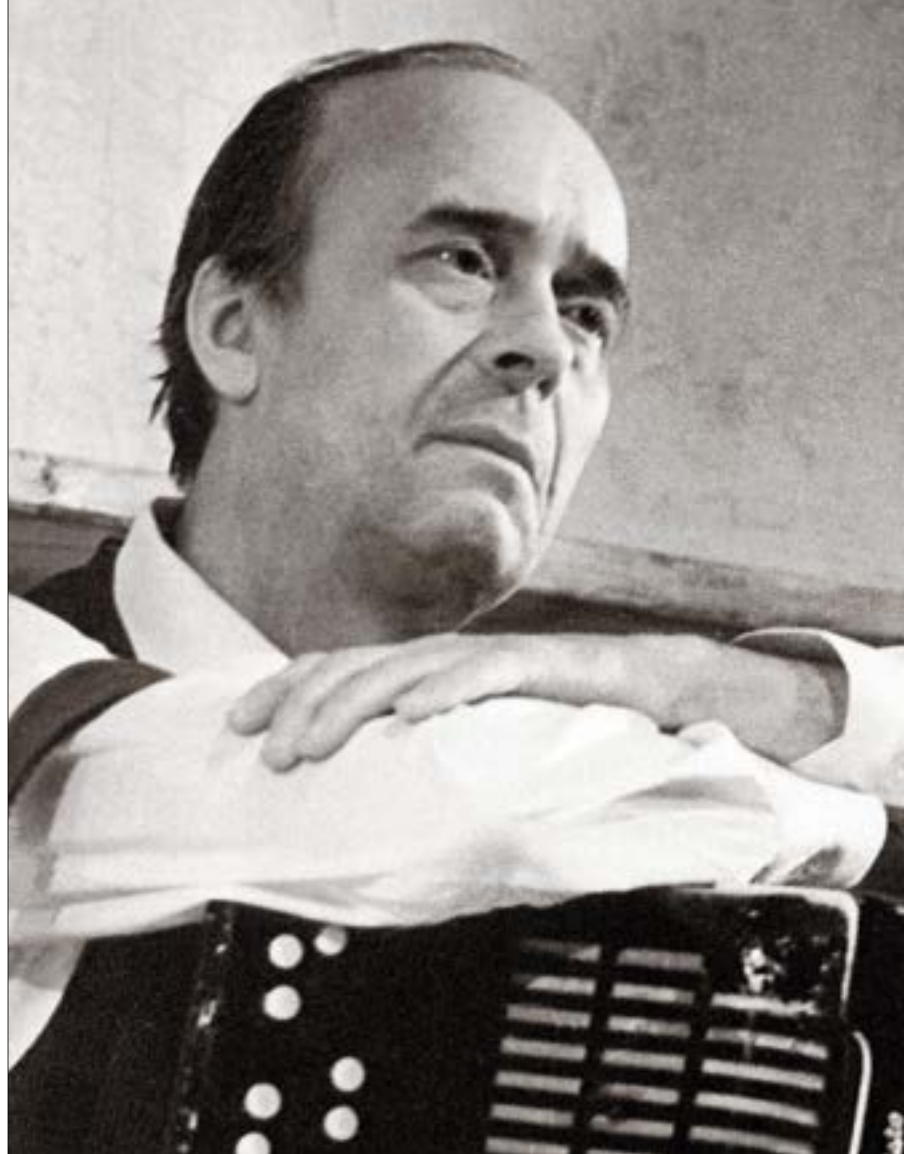
Своеобразная фактура «большого» артиста поневоле вписала Невинного в ампулу комика-простака.

Впрочем, он сам не раз заявлял о том, что его актерская индивидуальность «сходится с таким обличьем», что не претендует он на героя-любownika.

**ИРИНА
АЛПАТОВА,**
*театральный
критик*

А между тем у многих героев Невинного этой любви – «пять пудов». Порой невысказанной, неразделенной, неуместной даже. До сих пор помнится, как в финальном акте «Чайки» его старик Сорин, казалось бы, крепко спящий под пледом, резко вздрагивал и приподнимался, заслышав голос обожаемой Нины. А его донельзя смешной Епиходов разве не любил по-своему дуруху Дуняшу? А сколько любви к «девочкам» и их покойной матери прорывалось в словах ерничавшего, но насквозь трагического Чебутыкина. Мало кто заметил, что в какое-то время Невинный начал смело разрушать грань между «комедиантом» и «трагиком». Не изменяя притом собственной манере, но в себе самом открывая новое, незнакомое. Пожалуй, впервые это обнаружилось в спектакле, который так и назывался «Трагики и комедианты», где Невинный-Мокин был непривычно тих, сдержан и серьезен в своей поздней нелепой любви к молоденькой красотке, которую играла Елена Майорова. Позже трагический для МХАТа спектакль «Тойбеле и ее демон», где истинный русак Невинный блестяще сыграл еврейского ребе – мрачного, отрешенного, непримиримого, но нашедшего в себе мужество, вопреки всем религиозным догматам, отпустить грехи заблудшей Тойбеле.

Вячеслав Невинный очень ценит театральное ремесло. Согласно известной театральной байке, у плохого артиста – три штампа, у хорошего – тысяча. У Невинного их много, и он мог бы без проблем пользоваться ими в различных комбинациях, оставаясь народным любимцем. Но он искал всегда новое, пробовал, удивлял.

Сирий
А Мишиарин
«Серебряная
свадьба»
Выборнов –
Олег Борисов

*На репетиции
спектакля
«Серебряная
свадьба»*

Сирий
А Мишарин
«Серебряная
свадьба»

Есенок
М. Роцин
«Эшелон»
Федор Карлыч –
Евгений
Евстигнеев

*После репетиции
«Старый Новый год»
Олег Ефремов,
Вячеслав Невинный,
Михаил Роцин*

Коля-Володя

М. Роцин

*«Перламутровая
Зинаида»*

Табак –

Евгений Евстигнеев

Аладин –

Олег Ефремов

Олег Ефремов,
режиссер спектакля
«Призраки
среди нас»
Ютака Вада,
Вячеслав Невинный,
Нина Гуляева

Санкити Оба
Кобо Абэ
«Призраки
среди нас»

А

ктер – праздник.

Актер – чудо.

Актер – кудесник.

Последний из могикан

(в Художественном театре – это
Грибунин, Тарханов, Грибов, Яншин).

Профессию свою постиг в совершенстве.

В драматическом театре –
самый музыкальный актер.

Блестящий мастер смолоду.

Сейчас, после всего, что было –
грустный комик.

В искусстве актера – как рыба в воде,
знает выход из любого лабиринта.

Сам себе монумент. Если встать спиной
к Центральному телеграфу, можно
построить такой замечательный кадр,
куда не попадают мчащиеся рядом
машины.

Справа бронзовый Чехов,
слева, поближе к Школе-студии,
на скамейке – неподвижно сидит
Вячеслав Михайлович Невинный.

Думает свою думу.

Вокруг плещется Камергерский,
а на заднем плане –

Московский Художественный театр.

**НИКОЛАЙ
ШЕЙКО,**
заслуженный
деятель
искусств
России

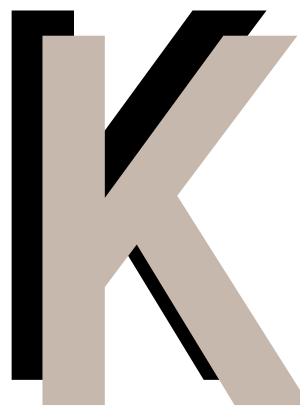
Из выступления
на радио «Маяк»
в день юбилея

Сапожник
М. Булгаков
«Кабала святош»
Мольер –
Олег Ефремов

Савватий

М. Кулиш

*«Блаженный
остров»*

Ивдя, его жена –

Нина Гуляева

Пьер Кондратенко –

Вячеслав

Невинный-мл

репко, стабильно, мастерски... Но того ощущения свободного дыхания натуры и счастливой окрыленности, какое было в «Ревизоре», мне в его ролях расслышать долго не доводилось. Как-то все оказывалось знакомым. Как-то все знакомо, привычно и даже типажно. Винить артиста не в чем – так складывалась его театральная судьба. Но вот Савватий Савельевич Гуска в спектакле «Блаженный остров» стал чем-то совсем иным.

Пожалуй, не открытием, ибо нельзя сказать, что артист в этой роли неузнаваем. Невинный в «Блаженном острове» добился результата, который известными опытными мастерами сцены достигается крайне редко, раздвинул рамки своей актерской природы. «Стопроцентно свою», комедийную роль он окрасил в тона драмы, почти трагедии, а потому и общее впечатление было – совсем-совсем свежее и чистое. Словно отбросив свою превеликую опытность, забыв о шлейфе многих сыгранных ролей, артист работал как дебютант, который все премудрости театра постигает впервые. Сию минуту, здесь, сейчас.

Пьеса «Блаженный остров» написана в 1925 году с намерением – поверить в революцию.

Не получилось.

Насекомые страсти

Савватия Гуски

и его семейства,

**ПАВЕЛ
ЛЮБИМЦЕВ,**
*заслуженный
артист РФ*

как ни странно, заставляют нас чуть ли ни плакать над судьбой этих людей. Впервые в спектакле Гуска ... потрясенно вырастал из-под земли (на кронштейне, под музыку). Его округлая фигура с бессильно разведенными руками, его столь округлые светлые глаза за стеклами пенсне словно излучали недоумение: «Куда же ты смотришь, Боже?» Невинный начинал роль с большой паузы, а дальше – с поражающей страстью пускался в бурный океан событий комедии. Неважно, что буря эта бушевала в кастрюле борща, о котором так вкусно и изысканно рассуждал Савватий Савельевич...

Вячеслав Невинный играл тонко, изящно и очень подробно. Природа этой подробности была – не бытовой, ибо быт в доме Гуски тщательно упрятан в погреб и на чердак. Туда, подальше от комиссаров, скрыта вся домашняя утварь, вся живность; но в игре Невинного-Гуски вся его ушедшая жизнь – освоенная, сочная, патриархальная – продолжала существовать, как отражение, задержавшееся в зеркале, в которое никто уже не смотрится, как тень от несуществующего предмета. В этой роли к Невинному пришло то легкое дыхание (опять-таки неточный термин), без которого крупный артист, известный опытный мастер вряд ли может назваться художником. Роль Гуски была сыграна с молодой счастливой влюбленностью – в профессию, в партнеров, в режиссера, в пьесу, в жизнь...

Ребе

*И. Зингер, И. Фридман
«Тойбеле
и ее демон»*

Притыкин

*М. Горький
«Варвары»*

Муж
А. Чехов
«Чеховские
рассказы»
Жена –
Нина Гуляева

Степан Чубуков
А. Чехов
«Чеховские
рассказы»
Наталья
Чубукова –
Нина Килимник

Боркин

А. Чехов

«Иванов»

Иванов –

Инноцентий

Смоктунувский

Вафля

А. Чехов

«Дядя Ваня»

Войницкий –

Андрей Мягков

Нянька –

Нина Гуляева

Шамраев

А. Чехов
«Чайка»

Сорин

А. Чехов
«Чайка»
Дорн –
Иннокентий
Смоктунувский

К

ак и положено комику, в миру Вячеслав Михайлович замкнутый, немногословный, некомпанейский. Как и положено большому артисту, любую роль превращает в айсберг, где текст и мизансцены – лишь верхушка, а под водой – столько личного, выстраданного, передуманного. Достаточно почитать стенограмму репетиций с Невинным. Например, циничную, на грани бездушия, фразу своего Чебутыкина из последнего спектакля Олега Ефремова («Одним бароном меньше, одним больше, какая разница») Невинный понимал так: «При ревностном отношении к сестрам, особенно к Ирине, я не могу не знать о ее отношениях с Тузенбахом и Соленым, плюс я понимаю, что оба они не годятся, поэтому могу сказать: «Одним бароном меньше», плюс «Хороший человек – это еще не профессия». А где ее жених? В Москве». Такой неожиданный и трезвый, по-чеховски честный взгляд. Уж, какое тут амплуа комика!

*Сорин
А. Чехов
«Чайка»
Треплев –
Михаил Ефремов*

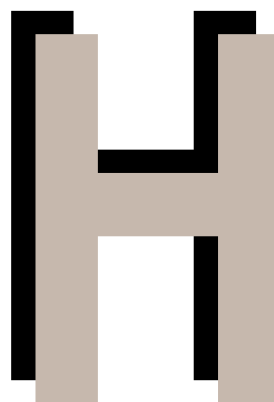
**ПАВЕЛ
КОНСТАНТИНОВ,**
критик

Сорин
А. Чехов «Чайка»
Треплев –
Евгений Миронов

Чебутыкин
А. Чехов
«Три сестры»
Ольга –
Ольга Барнет

Нас учили отличать ремесло от «высокого и духовного», осуждать ремесленническое... Редко кто говорил, что разделять это нужно осторожно, а различить этот тончайший зазор, должно быть, очень не просто. Это техника. Она есть у актера и у бабочки, и у конструктора самолета. Тому, из чего складывает роль Невинный, как он это складывает, различить, понять, научиться почти невозможно. Границу между вдохновением, техникой, привычками, навыками, 917-м и 921-м штампами понять не просто... Хотя все это и присутствует у него на каждом представлении внятно. Вот Чехов. «Три сестры». Чебутыкин. Замечательная работа. Наверное, даже лучшая в спектакле. Спектакль этот для меня особенно дорог и потому, что это первая моя работа с Ефремовым и первое знакомство, съеденная мешками «общая соль» и пыль с его артистами. На репетициях Невинный говорил или совсем немного, или долгим монологом, почти всегда для меня непонятно заканчивая или начиная фразой: «А хотите, как по Невинному?..» Я путался, терял нить, казалось, что это у него дефицит общения или даже, может быть, какой-нибудь нарочный уход в сторону. Совсем не сразу я догадался, что это размышления, это фантазия, это мысли вслух...

Распутывал он узелки поразительно тонко.
– Как вы думаете, почему Чебутыкин не принимает ничего про-

**ВИКТОР
ГВОЗДИЦКИЙ,**
*народный
артист
России*

тив дуэли Тузенбаха и Соленого? Он просто Ирину очень любит, понимаете?.. А барон ей совсем, совсем не пара. Ну, может быть, это по Невинному?.. И вот Спектаклю уже немало лет, а Чебутыкин его по-прежнему последователен в своих чертежах человеческих конструкций. Что это? Техника? Конечно. С самого первого выхода он цепляет, нанизывает, как будто сам себя убеждает: так, так, только так!!! У меня есть несколько любимых мест в этом спектакле...

Первое, после третьего звонка сразу, когда актеры сползаются к выходу. Вот Любшин-Вершинин идет, почти бежит по диагонали сцены (он выходит чуть позже и не вместе с домашними). Что-то всегда бодрое всем посылает. Вот мы с Барнет рассказываем об усталости и юности на сцене... Дима Брусникин, обычно хмурый, Полина Медведева, Вера Сотникова – все стекаемся в левый угол сцены, где, кажется, давно, вечно, всегда сидит, оперев руки на суковатую палку, Невинный. Самый-самый первый приходит.

– Здравствуйте, Вячеслав Михайлович! (Это Полина или Ольга.)

– Здравствуй, дочка! (Всегда: «Здравствуй, дочка!») К нему как-то все подходят. Как к чему-то самому важному, как к центру. Это я вот только сейчас вспомнил и подумал – так он и есть центр этого ансамблевого спектакля. Потом – круг, фура, музыка, свет, и все мы пошли, пошли, побежали с дистанцией на четыре часа – в «Трех сестрах»...

Второе мое любимое место тоже за кулисами...

Да как-то так все сложилось в этом спектакле, что трудно отделить сцену от кулис. Это место – начало третьего действия. Чебутыкин появляется совсем не сразу – уже и мы с Полиной Медведевой-Ириной вышли, и Вершинину Ольга подала шинель, да почти все на сцене. И снова к выходу Невинный приходит

раньше других. Не просто... Сидит один на стуле, мимо него проходят заплаканная Наташа, Ферапонт, Анфиса... Он все сидит. Полуоткрытый рот. Сбитое дыхание. Растрепанные волосы. Халат медицинский не застегнут, и один рукав спущен, чтобы потом, уже на сцене, барахтаться и не находить, не попадать в этот спущенный заранее рукав... Вот такие, кажется, детали заготовленные, но ведь состояние, содержание держит так долго и в таком градусе, когда и не замечает – кто, что вокруг. Ну а что потом, на сцене, это уже все видели... Именно там, в этой сцене пожара, мое третье любимое место. – Что вы на меня так смотрите? – говорит Чебутыкин. В спектакле же так все застроено (или не застроено), что никто и не смотрит особенно, я же оторваться не могу от него в этой сцене. И жалко его очень, и больно, и понятно все-все-все... И вот он весь свой этот (думаю, что любимый) монолог трагический говорит Тузенбаху... Так это неожиданно и точно, и не случайно. Все туда-туда-туда, когда на первых репетициях спросил, почему не останавливает дуэль. Ах, эти первые репетиции! Как долго они длились. И мы ворчали, не понимая, что это счастье и будет этому конец. И Ефремов начинал вдруг сердиться и отрицал все, что предлагали. И вот однажды, вернее впервые, впервые! Вдруг Вячеслав Михайлович мне так тихонечко, но громко, как только он умеет, в самое ухо, – все слышат, а понимает только один. (Как раз перед этим я что-то предложил по сцене – то ли сесть, то ли встать.)

– Если вы, Виктор Васильевич, хотите в этом месте сесть, то скажите Олегу Николаевичу, что хотите резко выйти. Тогда он вам, скорее всего, скажет: «Да нет, зачем это выходить?! Это глупо. Ты лучше сядь». Вот вы и сядете. Если же вы сразу предложите сесть, и даже если

это будет очень верно, вам обязательно придется далеко-далеко уйти, а где-то репетиции на десятой он предложит все-таки сесть. Вот попробуйте. Я не решился. Но много раз потом убеждался в правоте Невинного. Самое поразительное, я долго отслеживал у него этот хитрый актерский «вольт». Ничего подобного. Не подкопаешься. Ни сучка, ни задоринки. В нашем спектакле почти все по сцене ходят – не сидят, не стоят (особенно в первом действии). Так хотел и просил нас Ефремов. Сидит только Чебутыкин. Да не просто. В самом центре устраивается, куда посадил его Олег Николаевич. Казалось мне всегда, что он любит и может сам все себе построить, придумать, даже текст сочинить... И однажды после какой-то очень сильной, тратной пробы его в «Сестрах» говорю:

– А вы не хотели бы Шекспира сыграть? Трагедию чистую. Монороль? Он так задумался, задумался, куда-то в себя посмотрел, кажется.

– Да знаете... Нет. Слишком много для этого нужно слагаемых. Режиссер – раз. Пьеса – два. Главное же, чтобы режиссер смог мне объяснить и сам понимал, почему именно я, – три. То есть я говорю о решении – четыре.

Так все просто рассчитал... рассказал коротко и просто, как, собственно, ставить сегодня спектакль. Эти его «счеты-подсчеты» иногда просто обескураживают и сводят с ума. Все знают, что в МХАТе испокон века умели говорить на сцене «штатским» голосом, то есть так, когда в зале не слышно, а на сцене... Невинный – безусловный лидер этих лабораторий. «Три сестры» или «Женитьба» да и «Венецианский антиквар» – случалось это везде... Темы самые разные. Места самые неподходящие. Громкость самая вольная. Артикуляция четкая, а в зале не слышит никто! Играем. Кто-то из молодых тянет сцену (заметить нужно, что

Вячеслав Михайлович иногда и сам грешит этим, но это мне «не по рангу» и не по таланту ревизовать). Разворачивается он ко мне и громко, на паузе третьего нашего молодого коллеги: «Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть!» Далее идет общая наша, уже тройная пауза, и корифей так же четко, звучно и с удовольствием завершает пассаж, даже скандируя: «Бес-по-лез-но!», ставя особое ударение на первое «бес». Спектакль «Три сестры» изменился. Кажется, что уходит от нас... Оставляет. Иногда я его не узнаю. Он стал длиннее. Его разрушили вводы. Трогать там все можно только очень осторожно... Спектакль этот родился странно. Он как будто соткан из воздуха даже не пьесы, а тех длящихся, бесконечных репетиций... Мне кажется, что я даже помню луч солнца из окна в кабинете, его путь на журнальный стол, за которым всегда сидел Ефремов, паркетный пол, часы Станиславского у двери... Все уходит, меняется, истекает. Хотя вот Невинный играет почти премьерно. Иногда я думаю, что понимает он острее других: спектакль наш кончается. Вот исчезнет и останется только мертвая, неловкая телевизионная версия, ее снимали летом, в пустом зале, в жару, уже когда не было Олега Николаевича. Наверное, поэтому мне мерещится во время нашего четырехчасового путешествия, что Невинный играет, как будто напоминая всем – вот ведь как было-то... По Невинному.

После «Трех сестер» была «Женитьба». Гоголь. Царство звука, словесных оборотов, музыки фразы. Лучшая его пьеса. Яичница – ну, написан для Невинного. Он так и репетировал – всласть. И верилось, что Художественный театр вышел из Малого. Где-то рядом с нами был Щепкин. И даже Калягин засматривался на Михалыча, разводил руками и говорил: Ну, ты посмотри, что делает... Что хочет!!!

А он в самом деле не отказывал себе ни в чем. До буковки доигрывал каждую фразочку. Такие тонкости есть, невидимые просто. И ведь это при довольно ярком, внятном, хрестоматийном, даже традиционном решении. Например, когда он, стесняясь, даже смущаясь слегка, называет впервые свою фамилию, рассказывает, что если сказать «Яичницын», «то будет похоже на собачий сын». Когда же, наконец, представляясь, все же был вынужден произнести фамилию полностью и точно – Невинный некоторым образом исхитрился и вместо последнего «...ница» произносил как-то так мудрено. Вроде и «Яичница», а может быть, «Яичницы»... почти «Яичницын», но на «собачий сын» не похоже. Это невозможно пропустить. Если не ошибаюсь, грим себе он рисует сам. Чебутыкина он мне показывал и сделал потом себе все, как на том эскизе во время первых репетиций. Вот и в «Женитьбе» тоже грим по Невинному, по эскизу. Жестокий человек. Огромный. Жилет с цепью. Кулак «с ведро величиной». «Прибьет! Точно прибьет!» Как будто он собирал, вылавливал, выписывал по всей пьесе все эти алмазы гоголевских характеристик, соединяя, и рисуя, и удивляясь. Наслаждаясь! Жарко. Лето. Сидит, обмахиваясь особенным своим платочком, раскручивая его, как купчиха кустодиевская, – на себя, от себя. Потом повяжет его фуляром вокруг могучей шеи, едва схватив кончики в узелок. Пыхтит. Молчит. Насупился. И на сцене – легкий! Отточено, отделано все, не пропущено ни одного «чиха». Про эти чихания Яичницы...

– Вы заметили, что я трижды чихаю, то есть тремя способами?

– Это как?.. – Можно сказать «ящик» и на сильном «ящ» – чихнуть! Можно сказать «хрящик» и на «хря» – чихнуть, а можно сказать «спички» и на сильном «чки» – чихнуть.

Я обомлел и не поверил, что сегодня начало третьего тысячелетия... Показалось мне, что войдут сейчас Ленский, Щепкин, Живокини и расскажут мне что-нибудь еще. Так и хожу каждый раз смотреть, как он нюхает табак и чихает тремя способами, по Невинному... Ведь кто-то ему все это передавал? Учил? Или он сам сочинил, открыл? Может быть, кто-то совсем далекий, забытый, затерянный в театральных печальных десятилетиях, нам шлет привет, вот так – по Невинному.

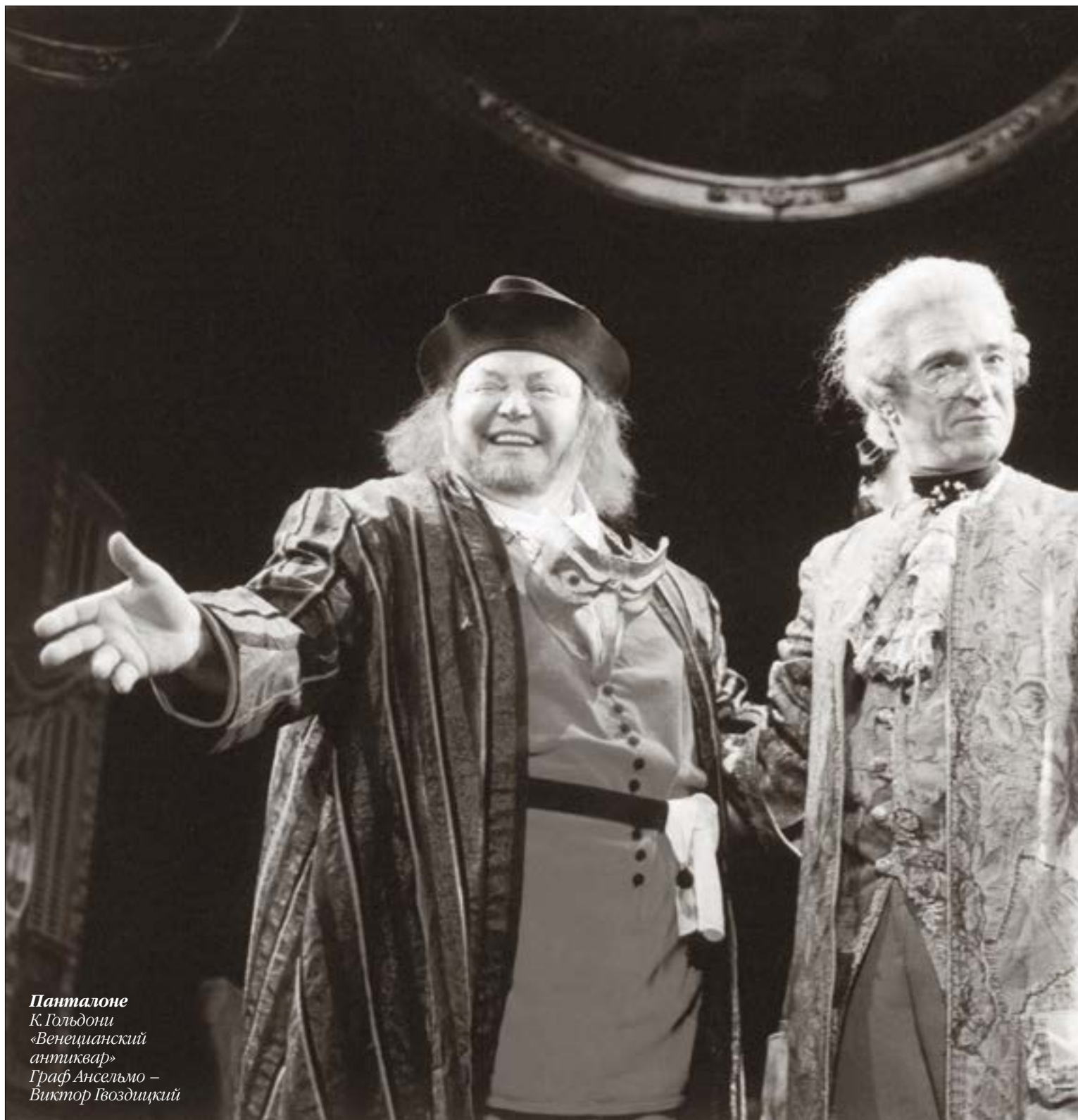

*Поклон
на спектакле
«Три сестры»
в Америке*

Сорин
А. Чехов
«Три сестры»
Машиа –
Вера Сотникова

Андрей Prozоров
А. Чехов
«Три сестры»

Панталоне
К. Гольдони
«Венецианский
антиквар»
Граф Ансельмо –
Виктор Гвоздицкий

И

, наконец, третья часть моего счастья с Невинным – это, конечно, «Венецианский антиквар» Карло Гольдони. Не самая лучшая пьеса – одно-ритмичная, с интригой, которой, собственно, и нет...

Так, ссора – склоки – споры... Спектакль назвали «Венецианский антиквар». И два патриота и певца Гоцци, Венеции, канона – Николай Михайлович Шейко и Валерий Яковлевич Левенталь переселили нас всех совсем в иной, сочиненный, призрачный мир. Сценография красива почти так же, как таинственный город. Кончается Черный карнавал, гаснет и исчезает крошечная, вечная Венеция, и гондола с позолоченным юным Арлекином медленно, из одного портала в другой завершает этот странный, грустный, пленительный поклон Гоцци, Гольдони – венецианских комедиантов.

Роль Невинного не первая, по Гольдони, но не по Невинному... Неожиданно все перевернулось, и все названия – «Свекровь и невестка», как у Гольдони, «Венецианский антиквар», как у Шейко, – забылись, испарились, а в спектакле царил Невинный-старший. Он с удовольствием и любовью, смело общался с залом на короткой ноге. И, наконец, верилось, что дядя Костя Варламов сказал Мейерхольду:

«Я тут сяду, а ты меня стилизуй». И имперский «Дон Жуан» вертелся, пульсировал вокруг центра – Сганареля. Вот наша первая с ним встреча

**ВИКТОР
ГВОЗДИЦКИЙ,**
народный
артист
России

в спектакле. Встреча графа Ансельмо и Панталоне. Из кулисы в кулису мы идем визави с открытыми объятиями к центру сцены, к суфлерской будке. Следуют канонные объятия, поцелуи; последний поцелуй воздушный – комплимент залу. Панталоне-Невинный изящно, чуть даже смущаясь, снимает маску, приоткрывая лицо, и зал взрывается овацией!!! Овацией узнавания. Что такое «лацци», о которых с упорством академика театра и педанта твердил Шейко, я, конечно, в конце концов, понял, но как это делать, чтобы получать удовольствие, войти в диалог с залом, быть легким, не надсадным, как осенняя муха, – это вопрос не ко мне... Это к Невинному, который всю жизнь будто только и ждал этих ненавистных мною моментов, когда я оказывался наедине с изумленным и... не отвечающим мне никакими реакциями измученным зрителем. Невинный же просто расцвечивал, удобно устраивался в этих лацци, казалось, солнце на голосе! Каждый спектакль он импровизировал и приносил из дома новую частушку, с удовольствием угощая ею партнера. Частушки эти были – по законам спектакля, режиссера и, собственно, лацци – фривольного, площадного содержания.

*Мы с сынишкой в баню вышли.
(Он все раньше с мамой мылся.)
Скользко, за руку держу.
Отпустил, забылся...
Поскользнулся вдруг мальчи,
За мой «низ» схватился...
А если б с матерью пошел –
Точно бы разбился.*

*Рассердился, вспылит
Молодой брадобрей,
И, желая уйти непокорным,
«Ах, я брею не так?!» –
Он вскричал у дверей,
Так кладу я на это с прибором!»*

*Один американец, француз и африканец
К монашенкам в курятник забрели;
Несушки постарались –
И вот уж полон ранец!
Короче, еле яйца унесли.*

Без комментариев. И делалось это уже не только для зала, но и для партнеров, да и весь театр к этому моменту задыхался от смеха, стоя в кулисах. Ни разу не повторил он одно и то же. Очень страшно было, когда он на репетициях стал почти каким-то белым стихом переписывать всю пьесу... И свою роль, и роли партнеров. Настаивал на этом Вячеслав Михайлович весьма деликатно, но не уступить было невозможно. Он убеждал, что это лучше – раз! Это в законах комедии дель арте – два! Это, в конце концов, по Невинному – три! И вы, конечно, можете не согласиться... Где уж тут устоять?.. Так, я думаю, и не выверен до конца этот староитальянский вариант для помощника режиссера. В итальянских труппах дель арте всегда был лидер... Всегда был центр. Вот и недавно мы посмотрели «Слугу двух господ» в постановке Стрелера с Ферруччо Солери. Чистота закона, когда премьерство совершенно не смущает, не кажется гастрольным. Когда в воображении возникает этот лучший на свете спектакль, я вижу Ферруччо Солери и поклоны, поклоны, поклоны!.. В дель арте это как прекрасный сон, наслаждение, другой театральный континент. Другая жизнь в другом спектакле. Наша публика сегодняшнего Художественного театра, не привыкшая, не ведающая о поклонах в середине действия, о комплиментах, лацци, включается сразу и принимает законы канонического театра... Вот идем мы, все герои, ровной линией к рампе. Затихает музыка и... долгий синхронный, тающий поклон всех персонажей – комплимент зрителям. Как они счастливы! Какой благодарный ответ аплодисментами за этот привет, это приветствие. Кто-то сосчитал – во время спектакля двадцать шесть раз аплодисменты. Первые аплодисменты честно, со знанием дела (читай: со знанием старого итальянского те-

атра) получает Смеральдина – Нина Климник. Кажется, что она виртуозничает в этой роли как хочет, как вздумается... На самом деле даже бубен, классическую деталь Смеральдины, держит так, как держали в знаменитой труппе еще во времена Гоцци и Гольдони. Она тараторит, тараторит, соединяясь с бубном, как будто с жадностью пьет итальянский язык, а я не понимаю, не вижу и не задаю вопросов: как, когда перешла она с русского на итальянский??! Ей необходимо это, как солнце, как воздух, как маска, как Венеция... Вращаясь на одной ножке, она исчезает под сценой, и я, сидя у себя в уборной, уже не слышу сладостные звуки итальянского – шквал аплодисментов! Эти аплодисменты потом уже и встречаются, и провожают, и узнают неотразимого Игоря Васильева. Весь спектакль он мужественно ни разу не снял маску и только в конце, когда все мы сидим перед цагалом официального карнавала, когда актеры прощаются со своими персонажами, он бережно снимет свою каноническую маску Доктора – руками художников она сделана из кожи в Венеции... Еще не было ни одного спектакля, чтобы из партера мы не слышали женские вздохи, шепоток восторга – Васильев!... Васильев. Игорь Алексеевич подробно раскланивается, и снова – шквал! Мне нравится читать на самых красивых в мире театральных афишах с шехтелевским шрифтом: В.М. Невинный-старший, В.В. Невинный-младший. Как будто из другого века все... На каждое его появление реагирует зал. Он «держит» публику, владеет стилем, играет жадно, зная, как будто на вкус, удовольствие от любимых итальянских точек после сцен, самых разнообразных, но всегда победительных. Вот и поклоны финала. Вот и конец Черного карнавала. Погасла Венеция. Растаял гондольер. И... Взрыв!!! Свет, звук, роскошь поз, финальные мас-

ки!!! Звуки аплодисментов регулирует сама публика, включаясь в вакханалию, воронку, блеск финала. Поклон Невинного-старшего – предпоследний, – уже мчится музыка, все мелькает, но каким-то чудом он как бы и не вместе с музыкой, а рядом, и не идет, и не танцует – облаком наплывает на зал, ловит музыкальную точку и... Поза – раз! Поза – два! Комплимент – три! Зал теряет ритм аплодисментов, взрывается, голосит, бурлит – браво!!! По Невинному. По звуку, силе так разрываются фанаты в опере, так требуют прима-балерину после «Лебединого». После Невинного выходим и мы с Татьяной Евгеньевной Лавровой, хватает и нам от пирога Невинного. Вполне хватило бы и для Ферруччо Солери... И на прощание, в надежде еще когда-нибудь и где-нибудь встретиться с ним, – я удивляюсь, проходя мимо Школы-студии Художественного театра, и грущу от мысли, что студенты, которые приходят и на что-то надеются, не услышат и не узнают многого от Невинного... Он рассказал бы им, как перед каждым «Ревизором» он успевал сделать для своего Хлестакова маникюр в парикмахерской. И совсем-совсем не для того, чтобы это было видно со сцены... Мне казалось, что мог бы Иван Александрович заскочить ненароком к цирюльнику. Он рассказал бы им о своем знаменитом курсе. О Булгакове и «Кабале святош», где он играл Справедливого сапожника, и его герой стал вторым центром пьесы. И мотивировал бы это. По Невинному. Когда-то и меня ввели в тот, первый спектакль. Я входил туда без репетиций, совсем срочно. Роль мне посоветовали переписать и вложить листки в серебристую «королевскую» папочку, которая в руках Людовика присутствовала в качестве безделушки, собачки, игрушки. На самом же деле была спасением. Именно оттого, что весь булгаковский текст мне пришлось прочесть внятно и по зна-

кам препинания, в нескольких местах сцены я услышал боковым (штатским) слухом аплодисменты. Они совершенно не относились к моему исполнению и владению репризой. Просто Булгаков планировал и знал. Здесь – раз! Здесь – два! И, возможно, здесь – три! Иначе быть не может. Иначе неверно. Не по Булгакову. Вызывает меня к себе в уборную Учитель (какое наслаждение иметь честь и возможность так его приветствовать):

«Здравствуйте, Учитель!».

Вот вам аплодируют три раза. Я слышу. А хотите больше?

Что-то мычу невнятное в ответ.

Значит так... В этом месте пауза – текст – раз! В этом – дождитесь реакции и добавьте совсем тихо – два! В этом... Да,

с курицей, когда ужинаете с Мольером! Не торопитесь, совсем не торопитесь...

Тут я ведь (Шут) и собаку могу изобразить, а вы меня кормите. Давайте, отнимайте... Долго можем играть. Иннокентий Михайлович знаете, как долго это делал?.. Это только я и Олег Николаевич помним...

А что делать? Ждем. Король. Попробуйте. Я попробовал и урок выдержал. Получилось. Спасибо ему за «по Невинному».

Этот замечательный перечень можно вспоминать, снова и снова наслаждаясь мелочами, восхищаясь памятью прошлого. Когда-то давно Елена Владимировна Юнгер сетовала на критиков, у которых

эпитеты «блистательный», «выдающийся», «виртуозный», «великий» и «гениальный» используются так же часто, как «теплее», «еще теплее», «горячо», «жарко»... Она грустно недоумевала, огорчаясь: «Русский язык исчезает, а гениальный артист, запомните, или просто гений рождается раз в столетие. Один раз». Может быть, мне повезло. Я почти уверен, что это так. Я видел то, что случается раз в столетие.

*С Александром
Калягиным
на сборе труппы*

Е

сть люди, которые рождены для театра, их трудно представить где-то еще, они могут жить и дышать только театральным воздухом. Вячеслав Невинный – из них. Кроме того, что он потрясающий артист, он еще все понимает и все знает о театре. Помню, когда я эмоционально воспринимал какую-то ситуацию, когда в выражениях «ошеломлен», «возмущен», «потрясен» говорил, скажем, о поведении какого-то артиста, или о каком-то спектакле, то он мне неизменно спокойно объяснял: «Это театр». Он был мудр и учил меня тому, что в театре все возможно и все может быть, здесь ничего не должно удивлять. Отсюда его замечательный юмор, его великолепные байки об актерах, о театральных нравах. Когда я вел актерский курс, то понимал, что студентов надо учить не только актерскому мастерству, сценической речи или сцендвижению, но надо дать им понимание, что такое театр. Я считал, что гениальные истории, рассказанные Невинным, лучше всех теоретических курсов помогут понять существо театра, этого удивительного мира под названием театр. Ведь здесь все особенное: по-особенному забывают текст, по-особенному опаздывают на выход. Из этих курьезов потом рождаются театральные легенды, которые передаются от поколения к поколению.

**АЛЕКСАНДР
КАЛЯГИН,**
*народный
артист
России*

Вячеслав Невинный для меня это олицетворение великой русской школы, у него талант, я бы сказал, даже особенного национального свойства. Мне кажется, Невинный из великой плеяды блистательных русских артистов – Шумского, Живокини, Варламова, он существует в этой традиции. Мне запомнилось, как вместе мы играли в спектакле «Старый Новый год» Михаила Рощина. Работа Славы в роли Сибейкина – это шедевр. Когда он заболел, на его роль ввелся Олег Николаевич Ефремов, который, по моему убеждению, мог сыграть все. Ефремов сыграл хорошо, но не более того. Вячеслав Невинный сумел в своем герое сыграть целый класс людей, которые вышли из пролетариата, еще одной ногой они там, но рвутся всем своим мещанским существом к другому слою общества. Они получили блага, но не знают, как ими пользоваться. Зал отзывался на каждое его слово, его переиграть было невозможно, но меня это не угнетало, я восхищался им. Мне казалось, что все свои роли он делал сам, ему в меньшей степени, чем другим, был нужен режиссер. Он владел самым сложным для артиста приемом – не выбиваясь из роли, акцентированно сыграть фразу, дать ей объем, вкус. Он вообще потрясающе чувствует слово, в его работах слово никогда не бывает пустым. Слава необыкновенно добрый человек, но меня еще в нем потрясает необыкновенная начитанность. Два человека во МХАТе щелкали кроссворды, как семечки – Ия Саввина и Вячеслав Невинный. Они угадывали самые немыслимые вещи. Я очень люблю Славу Невинного, люблю его талант, его мудрость и его иронию, его всепонимание и душевную широту. Он такой один – мой друг Вячеслав Невинный.

*В кругу друзей.
Роман Козак,
Александр Калягин,
Вячеслав Невинный,
Игорь Александров,
Кира Головки*

У Олега Ефремова
в кабинете.
Юрий Любимов,
Олег Ханов,
Рифкат Исфафилов,
Ангелина
Степанова,
Михаил Ульянов,
Вячеслав Невинный

О МХАТе, о профессии, об актерах...

Из интервью разных лет

Вообще театр – это место с некоей мистической энергией. Здесь существуют души актеров. Если выйти на пустую темную сцену, тебя охватит необычное чувство. Театров много. «Чем ваши лучше?» – добивались у Станиславского.

Наконец его допекли, и он ответил:

– Что прекрасно в искусстве, то и есть МХАТ.

– Значит, цирк хороший тоже МХАТ?

– Да.

То есть где есть дух и так называемая школа сопереживания.

Зрителю нравится или не нравится. Это закон. Когда человек выходит из театра и говорит: «Может быть, я не понимаю, но...» А должно быть всем все понятно. Академику и дворнику. Такую тонкость, как метания Гамлета, он может не понять, но почувствует: что-то не так. А есть элитарные театры. Формализм не значит плохо. Но это не мой театр.

Артист, в особенности театральный, – это сегодня, здесь, сейчас, в данную секунду. Если мы с вами по разные стороны рампы, но между нами возникает искра, дуэлектрическая, ради одной такой секунды стоит жить. Это не может длиться долго. Когда вам мозги морочат: «У нас такой спектакль!» – не верьте, вранье! Есть только два-три мгновения, когда мурашки по спине.

Очень люблю свой призыв: «Сегодня я умираю словно в первый или в последний раз». Представляете, с каким настроением выхожу на сцену? Происходит какой-то эмоциональный момент, ты чувствуешь: этого больше не будет, а должно быть смешно-смешно, просто помереть можно. Тем лучше, если у тебя прощание, некая повесть в душе.

У нас в театре есть такая расхожая фраза: «Нет маленьких ролей, есть большие актеры». Если хотите знать, с точки зрения технологии маленькую роль играть сложнее во столько раз, во сколько она меньше большой. Есть такое соревнование: стоит человек с дуэстволкой и палит влет по летящим тарелочкам. Вот так и нужно играть маленькую роль.

В любимом зале

Сбор трупы. 2003 год

В большой роли в некий момент ты можешь промахнуться, но через три минуты все исправить. Первый акт сыграл не очень, а второй замечательно. Эпизод же или один выход на сцену должен быть жесточайшим образом выверен, в «десяточку». Как анекдот. Немирович-Данченко, знаете, что сказал? Занимать день, и, объясняться в любви и рассказывать анекдот нужно быстро. Потому что, если я начну издали, вы успеете сообразить: день, и хочет занять или жениться. А если сразу: «Дай три рубля!» – будет неожиданно.

Актерская братия любит розыгрыши, но не у каждого, получается. Как анекдот рассказать. Если розыгрыш продуман заранее, скорее все, о нем, не получится. На сцене это все, да мимовенная ситуативная импровизация. Свобода, от которой актер часто отрешен. Он зажат в тисках рисунка, пьесы, режиссуры. А свобода начинается тогда, когда все становится твоим. Ты владеешь собой, партнером и, самое главное, – зрителем. Куда позову, туда ты и пойдешь. Это ни с каким алкоголем не сравнимо. Вот зачем в театр берут артисты. Властвовать над душами почти неосуществимая вещь. Я смотрю некоторые картины Чарльза Спенсера Чаплина, мне не смешно, но когда он достигает таких высот, что весь зал падает от хохота, у меня льются слезы: «Ну, как это так?!»

*С Натальей
Егоровой
и Борисом
Щербаковым
на репетиции
спектакля
«И свет
во тьме
светит»*

*С Николаем
Шейко*

*С Анатолием
Смелянским*

О Ефремове...

Главное, к чему стремился Оле,, Ефремов, чтобы
на сцене был живой человек,
а не фи,,ляр, изображающий жизнь,
чтобы в театре царила жизнь человеческо,,о духа, как
завещал великий СТАНИСЛАВСКИЙ,
верным и неотступным поклонником которо,,о
был до конца своих дней сам Ефремов.
Он был моим старшим товарищем.
С первой встречи и до конца Ефремов
был и есть мой Учитель.
Мы с ним мно,,о работали вместе, но, может быть,
самые доро,,ие встречи были в чеховских спектаклях
Ефремова, который поставил все,,о Чехова.
Чехова он ощущал самым важным своим автором.

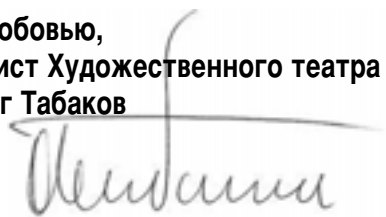

Говорят, что в самые лучшие времена в труппу Художественного театра не просто брали на работу: актеров собирали, коллекционировали. Времена меняются, понятие коллекции индивидуальностей, кажется, выпало из театрального словаря. Часто говорят об ансамбле, команде и т. д. Так вот хочу сразу сказать: я бы включил Славу Невинного, Вячеслава Михайловича Невинного, и в коллекцию, и в ансамбль, и в любую самую высшую актерскую команду. Он из тех, на ком держится русский театр. Его огромное дарование по природе своей не просто демократично, но народно в высшем смысле этого слова. Его искусство обращено к сердцу каждого, к опыту каждого, жившего и живущего в стране под названием Россия. Он, ведь, не просто, комик, его комический дар заключает в себе внутреннюю напряженную лирику – без этого нет крупного комедийного актера. Со студенческих лет – а я знаю Славу именно с тех самых лет в Школе-студии – он был всегда чудесным партнером, товарищем, относящимся к делу театра так, как редко кто у нас относится. За десятилетия службы в Художественном театре он создал свою «невинную» коллекцию, которую не называю, потому как лучшие его

**ОЛЕГ
ТАБАКОВ,**
*народный
артист
СССР*

роли у всех на слуху и памяти. Его корневая система уходит, мне кажется, в историю русской сцены. Вспоминается сразу Варламов, которого публика встречала как родного человека, как «дядю Костю» и который к публике относился так же по-родственному. «Дядя Слава» Невинный всю жизнь рассказывает историю русской души, и сам являет эту русскую душу в ее лучшем человеческом воплощении. Так, как это делал «дядя Костя» Варламов, так, как это делал Михаил Михайлович Яншин, близость к которому тоже очевидна. Редкий и трудный дар – быть комиком. Стократ редкий и трудный дар – быть русским комиком. Я желаю моему другу Вячеславу Невинному украшать собой коллекцию лучших актеров Художественного театра столько, сколько хватит у него сил и здоровья. Без него эта коллекция была бы ущербной!

С любовью,
артист Художественного театра
Олег Табаков

*На гастролях
в Красноярском
крае*

*Проба на прочностъ.
Дому – 300 лет!*

Вячеслава Невинного

1959

И.С. Тургенев
«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»
(режиссеры М. Яншин, П. Лесли)

Г. Николаева
«БИТВА В ПУТИ»
(режиссеры В. Станицын,
В. Монюков)

’ ” ”

1960

А.П. Чехов
«ВИШНЕВЫЙ САД»
(режиссеры В. Станицын,
И. Тарханов)

1961

С. Алешин
«ТОЧКА ОПОРЫ»
(режиссеры Г. Конский,
Ю. Недзвецкий)

”

Н. Погодин

«ЦВЕТЫ ЖИВЫЕ»
(режиссеры В. Станицын,
А. Карев, И. Тарханов)

,

И. Соболев

«ХОЗЯИН»

(режиссеры Б. Ливанов,
П. Марков, В. Марков)

Ю. Олеша
«ТРИ ТОЛСТЯКА»
(режиссеры В. Богомолов)

1962

И. Шоу «УБИЙЦА»
(режиссеры П. Марков,
Л. Топчиев)

’ ” ”

П. Когоут
«ДОМ, ГДЕ МЫ РОДИЛИСЬ»
(режиссер В. Монюков)

1963

Вс. Иванов
«БРОНЕПОЕЗД 14-69»
(реж. И. Раевский, Н. Ковшов)

Л. Зорин
«ДРУЗЬЯ И ГОДЫ»
(режиссер А. Петров)

1964

Д. Гранин
«ИДУ НА ГРОЗУ»
(реж. В. Богомолов)

Н. Думбадзе,
Г. Лордкипанидзе
«Я ВИЖУ СОЛНЦЕ»
(реж. Д. Алексидзе, М. Горюнов)

Г. Беленький
«ТРИ ДОЛГИХ ДНЯ»
(режиссер В. Монюков)

1965

М. Шатров
«ШЕСТОЕ ИЮЛЯ»
(реж. Л. Варпаховский,
М. Горюнов)

1966

А. М. Горький
«ЕГОР БУЛЫЧЕВ И ДРУГИЕ»
(режиссеры: Б. Ливанов,
И. Тарханов)

1967

Н.В. Гоголь
«РЕВИЗОР»
(режиссеры М. Кедров,
Н. Ковшов)

1968

К. Симонов
«ДЫМ ОТЕЧЕСТВА»
(режиссеры М. Кедров,
И. Раевский)

Ж. Ануй
«ЖИЛ-БЫЛ КАТОРЖНИК»
(режиссер В. Станицын)

Н. Погодин
«КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ»
(режиссеры М. Кнебель,
И. Раевский, В. Марков)

А.Н. Островский
«ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ»
(руководитель К. Станиславский,
режиссеры М. Тарханов,
И. Судаков)

1969
Л. Шейнин
«ТЯЖКОЕ ОБВИНЕНИЕ»
(режиссер Б. Ливанов)

1970
Ф.М. Достоевский
«СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО
И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»
(режиссер В. Богомолова)

1971

А. Володин
«ДУЛЬСИНЕЯ ТОБОССКАЯ»
(постановка О. Ефремова,
режиссер В. Кашпур)

А.М. Горький

«ПОСЛЕДНИЕ»
(рук О. Ефремов,
режиссер В. Салюк,
И. Васильев)

1972

А.Н. Островский
«БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ»
(постановка В. Орлова,
режиссер М. Медведев)

”

1973
Н.В. Гоголь
«МЕРТВЫЕ ДУШИ»
(постановка В. Сахновского,
режиссер В. Сахновский,
Е. Телешова)

М. Рошин
«СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД»
(постановка О. Ефремова,
режиссер О. Герасимов,
В. Сергачев)

1974
М. Булгаков
«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ. ПУШКИН»
(режиссер В. Станицын,
В. Топорков)

1975
М. Рошин
«ЭШЕЛОН»
(постановка А. Эфроса,
режиссер В. Портнов)

А. Гельман
«ЗАСЕДАНИЕ ПАРТКОМА»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Л. Монастырский,
В. Петров)

М. Рошин
«ВАЛЕНТИН И ВАЛЕНТИНА»
(постановка О. Ефремова,
режиссер В. Кузенков)

1976

А.П. Чехов
«ТРИ СЕСТРЫ»
(режиссер
Вл. Немирович-Данченко,
Н. Литовцева, И. Раевский)

А.П. Чехов
«ИВАНОВ»
(постановка О. Ефремова,
режиссер С. Десницкий)

1977

А. Гельман
«ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Л. Монастырский)

1978

Н.В. Гоголь
«МЕРТВЫЕ ДУШИ»
(постановка В. Сахновского,
режиссер В. Сахновский,
Е. Телешова)

1979

А. Вампилов
«УТИНАЯ ОХОТА»
(постановка О. Ефремова,
режиссер А. Мягков)

1980

А. П. Чехов
«ЧАЙКА»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Н. Скорик)

1981

М. Шатров
«ТАК ПОБЕДИМ!»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Р. Сирота,
С. Десницкий, Н. Скорик)

1983

А.П. Чехов
«ТРИ СЕСТРЫ»
(режиссер
Вл. Немирович-Данченко,
Н. Литовцева, И. Раевский)

1984

Кобо Абэ
«ПРИЗРАКИ СРЕДИ НАС»
(постановка Ютаки Вады,
режиссер В. Прудкин)

1985

А.П. Чехов
«ДЯДЯ ВАНЯ»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Н. Скорик)

А. Мишарин
«СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Р. Сирота)

А. Н. Островский
«НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА
ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ»
(постановка В. Станицына,
реж. В. Шиловский)

1987

М. Рошин
«ПЕРЛАМУТРОВАЯ ЗИНАИДА»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Н. Скорик)

1988

М. Булгаков
«КАБАЛА СВЯТОШ»
(режиссер А. Шапиро)

1989

А.М. Горький
«ВАРВАРЫ»
(постановка О. Ефремова,
режиссер И. Власов)

А.П. Чехов
«ВИШНЕВЫЙ САД»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Н. Скорик)

1990

А.П. Чехов

«ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ»
(постановка Е. Радомысленского,
режиссер И. Мирошниченко)

1991

В. Арро
«ТРАГИКИ И КОМЕДИАНТЫ»
(режиссер Н. Скорик)

В. Розов

(по мотивам Н. Нарокова
«Мнимые величины»)
«СУПЕРФЛЯЙ»
(постановка А. Азаревича,
режиссер Т. еидзе)

1992

А.П. Чехов
«ЧАЙКА»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Н. Скорик)

А.С. Грибоедов

«ГОРЕ ОТ УМА»
(постановка О. Ефремова,
режиссер И. Власов)

1993

М. Кулиш
«БЛАЖЕННЫЙ ОСТРОВ»
(режиссер Н. Шейко)

1994

А. Гельман
«МИШИН ЮБИЛЕЙ»
(постановка О. Ефремова,
режиссер И. Власов)

А.С. Пушкин
«БОРИС ГОДУНОВ»
(режиссер О. Ефремов)

1995
И. Зингер, И. Фридман
«ТОЙБЕЛЕ И ЕЕ ДЕМОН»
(режиссер В. Долгачев)

А.П. Чехов
«ВЕЧЕР ЧЕХОВСКОГО
РАССКАЗА»
(постановка Е. Радомысленского,
режиссер И. Мирошниченко)

М. Розовский

(по мотивам произведений
Б. Брехта)
«БРЕХТИАНА, ИЛИ ШВЕЙК
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ»
(режиссер М. Розовский)

1997
А.П. Чехов
«ТРИ СЕСТРЫ»
(постановка О. Ефремова,
режиссер Н. Скорик)

Н.В. Гоголь
«ЖЕНИТЬБА»
(режиссер Р. Козак)

1999

Л.Н. Толстой
«И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ»
(режиссер В. Долгачев)

2000
К. Гольдони
«ВЕНЕЦИАНСКИЙ
АНТИКВАР»
(режиссер Н. Шейко)

Роли в других театрах:

2000
Н.В. Гоголь
«Игроки»
(режиссер С. Юрский)
МХАТ имени А.Чехова А. Тель
А Тистов Сергея Юрского

2002
Р. Роуз
«Двенадцать разгневанных
мужчин»
(режиссер В. Долгачев)

Новый драматический театр

Вячеслав Невинный снимался в фильмах:

1960
«Испытательный срок»
(режиссер В. Герасимов)

1962
«На семи ветрах»
(режиссер С. Ростозкий)
«Третий тайм»
(режиссер Е. Карелов)

1963
«Это случилось в милиции»
(режиссер В. Азаров)

1964
«Зеленый огонек»
«Председатель»
(режиссер А. Салтыков)

1965
«Друзья и годы»
(режиссер В. Соколов)
«Тридцать три»
(режиссер Г. Данелия)
«Чистые пруды»

(режиссер А. Сахаров)

1966
«Берегись автомобиля»
(режиссер Э. Рязанов)
«Путешествие»

1967

«Мятежная застава»
(режиссер А. Бергунер)

1968
«Виринея»
(режиссер В. Фетин)

1969
«Суровые километры»
(режиссер О. Николаевский)

1970
«В Москве проездом»
(режиссер И. Гурин)

1971
«И был вечер, и было утро...»
(режиссер Д. Супин)
«Молодые»
(режиссер Н. Москаленко)
«Русское поле»
(режиссер Н. Москаленко)

1972
«День за днем»
(режиссер В. Шиловский)
«Руслан и Людмила»
(А. Птушко)
«Самый последний день»
(режиссер М. Ульянов)

1975

«Единственная»
(режиссер Л. Хейфец)
«Ау-у!»
(режиссер Вл. Крючков)
«Не может быть!»
(режиссер Л. Гайдай)

1977

«Инкогнито из Петербурга»
(режиссер Л. Гайдай)
«Смешные люди!»
(режиссер М. Швейцер)

1979

«Активная зона»
(режиссер Л. Пчелкин)
«Гараж»
(режиссер Э. Рязанов)

1980

«За спичками»
(режиссер Л. Гайдай)
«Старый Новый год»
(режиссеры О. Ефремов,
Н. Ардашников)

1982

«Место под солнцем»

(режиссер А. Воропаев)

1983

«Безумный день инженера
Баркасова»
(режиссер Н. Лырчиков)
«Полоса везения»
(режиссер С. Морозов)
«Поздняя любовь»
(режиссер Л. Пчелкин)
«Трое на шоссе»
(режиссер А. Бобровский)

1984

«Гостя из будущего»
(режиссер П. Арсенов)
«Если можешь, прости...»
(режиссер А. Итыгилов)
«Лучшая дорога нашей жизни»
(режиссер А. Воропаев)
«Очень важная персона»
(режиссер Е. Герасимов)
«Мертвые души»
(режиссер М. Швейцер)

1985

«Подружка моя»
(режиссер А. Калягин)
«Еще люблю, еще надеюсь...»
(режиссер Н. Лырчиков)
«Не ходите, девки, замуж!»
(режиссер Е. Герасимов)

1986

«Мой нежно любимый детектив»
(режиссер А. Симонов)

1987

«Забавы молодых»
(режиссер Е. Герасимов)
«Лиловый шар»
(режиссер П. Арсенов)

1988

«Вам что, наша власть
не нравится?!»
(режиссер А. Бобровский)

1989

«Не покидай...»
(режиссер Л. Нечаев)
«Сердце не камень»
(режиссер Л. Пчелкин)

1990

«Самоубийца»

(режиссер В. Пендраковский)
«Убийство свидетеля»
(режиссер Э. Гаврилов)
«Шапка»
(режиссер К. Воинов)

1991

«Высший класс»
(режиссер М. Мельниченко)
«Небеса обетованные»
(режиссер Э. Рязанов)
«Номер «люкс» для генерала
с девочкой»
(режиссер А. Александров)
«Тень, или Может быть,
все обойдется»
(режиссер М. Козаков)
«Шкура»
(режиссеры В. Максаков
и В. Мартынов)

1994

«Волшебник Изумрудного
города»
(режиссер П. Арсенов)
«Любовь французская и русская»
(режиссер А. Александров)

1996

«Карьера Артуро Ui».
Новая версия
(режиссер М. Розовский)

1997

«Полицейские и воры»
(режиссер Н. Досталь)

2002

«Дронго-2002»
(режиссер З. Ройзман)

2003

«Лучший город земли»
(режиссер А. Аравин)

**Вячеслав Невинный
озвучивал мультфильмы:**

«Дядя Миша» (1970)
«Ежик в тумане» (1975)
«Как грибы с горохом воевали»
(1977)
«Алиса в стране чудес» (1981)
«Возвращение блудного
попугая» (1987)
«Котенок с улицы Лизюкова»
(1989)

Семья Невинных

Информационная поддержка:

РОССИЙСКАЯ
ГАЗЕТА

ДОСУГ

МХТ им. А.П. Чехова в интернете

Т•Е•А•Т•Р
www.theatre.ru

Сайт театра в интернете:
www.mxat.ru

В издании
принимали участие:

*ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ
КИРА ГОЛОВКО
ПАВЕЛ ЛЮБИМЦЕВ
СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ
ВИКТОР ГВОЗДИЦКИЙ
ВАДИМ СКУРАТОВСКИЙ
АЛЕКСАНДР ГЕЛЬМАН
ИРИНА АЛПАТОВА
НИКОЛАЙ ШЕЙКО
ПАВЕЛ КОНСТАНТИНОВ
АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН
ОЛЕГ ТАБАКОВ*

Редактор-составитель –
Лидия Бо.,ова
Дизайнер – Валерий Дмитриук

Фото.,рафии
И.,оря Александрова,
Оле.,а Черноуса

а также из домашне.,о архива
семьи Вячеслава Невинно.,о –
Нины Гуляевой

На первой странице обложки
фото Екатерины Цветковой,

МХТ им. А. П. Чехова
бла.,одарит Музей МХАТ
за предоставленные материалы

Верстка, сканирование,
цветоделение, печать –
издательство «Театралис».

